

ГЛАВА IV. ПРЕЛОМЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

IV.1. Дискурс российского кинематографа о советском прошлом как инструмент политики памяти

В последние годы российские исследователи обратились к изучению художественных фильмов советской эпохи как к своеобразному инструменту формирования исторической памяти. Наряду с публикациями формата статьи-тезисы доклада стали появляться и монографические работы, посвященные этой теме. В издательстве «Новое литературное обозрение» появился даже специальный проект-серия изданий под названием «Кинотексты», в рамках которого изданы работы, посвященные советскому школьному кино⁵³⁷, особенностям производства художественных фильмов в сталинскую эпоху⁵³⁸, популярным музыкальным кинокомедиям режиссера Г.В. Александрова⁵³⁹, а также об отражении сталинской эпохи в современных российских кинофильмах⁵⁴⁰.

Интерес к механизмам формирования исторической памяти посредством такого инструмента как кинематограф характерен для исследователей разных стран. В последние годы стали появляться аналитические статьи, которые рассматривают художественные фильмы как инструмент информационного противоборства. Среди них следует отметить статью об использовании кинофильмов в информа-

⁵³⁷ Михайлин В., Беляева Г. Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х гг. Москва: Новое лит. обозрение, 2020. 584 с.

⁵³⁸ Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине. Москва: Новое лит. обозрение, 2020. 264 с.

⁵³⁹ Салис Р. «Нам уже не до смеха»: музыкальные кинокомедии Григория Александрова. Москва: Новое лит. обозрение, 2021. 360 с.

⁵⁴⁰ Якобидзе-Гитман А. Восстание фантазмов: сталинская эпоха в постсоветском кино. Москва: Новое лит. обозрение, 2015. 312 с.

ционной войне Украины и России⁵⁴¹. Способы репрезентации прошлого в кинофильмах проанализированы в докладе Массимилиано Гаудиози, сделанном им на XVI Международной научной конференции, посвященной изучению кино⁵⁴². Анализируются также частные сюжеты, представленные в кинофильмах, например, репрезентация «своего»-«чужого». В качестве примера можно привести работу (главу в коллективной монографии) турецких исследователей Фиген Айгюль и Мелихи Элиф-Демоглу об образах греков и турок в турецком кинематографе.

Однако, несмотря на растущий интерес к данной теме, пока отсутствуют обобщающие работы, анализирующие отражение советского прошлого в дискурсе современных российских кинофильмов. Для того чтобы понять, каким образом в современном российском кинематографе получают свое выражение дискурсы постсоветской политики памяти, необходимо дать краткую характеристику основных этапов из становления, а также провести анализ ключевых стратегических установок современного российского кинематографа.

В период Перестройки, когда был взят курс на развитие гласности, произошло переформатирование фундаментального мифа, который лежал в основе официального дискурса советской политики памяти. Под влиянием новой информации о массовых репрессиях, совершаемых в эпоху сталинизма, фундаментальный миф о «счастливом советском народе» стал превращаться в свою противоположность – в миф о «страдающем советском народе». В соответствии с данными переменами к началу 1990-х годов широкое хождение получил еще один миф – миф о преступном характере не только сталинского режима, но и всей советской социалистической системы. Этот миф лег в основание нового политического тренда – курса на декоммунизацию, ставшего доминантным в политике памяти государств, образованных после распада СССР.

⁵⁴¹ *Khardel R., Vyzdryk V., Melnyk O.* Cinema as a tool for influencing historical consciousness in Russian-Ukrainian informational warfare // *Codrul Cosminului*. XXVI. 2020. No. 2. P. 281–302.

⁵⁴² *Gaudiosi M.* Performative Memory. The Representation of the Past in Contemporary Cinema // *Dall'inizio, alla fine (In the very beginning, at the very end): XVI Convegno Internazionale di Studi sul Cinema*. Udine, 2009. P. 409–413.

На содержание дискурса новой политики памяти оказали воздействие еще ряд факторов: 1) открытие архивов и публикации огромного количества документов, которые ранее были недоступны (а многие и неизвестны) исследователям; 2) публикация мемуаров и сочинений представителей эмиграции («белых» офицеров и генералов, философов); 3) переиздание работ, написанных в 1920-е – начале 1930-х гг. тех авторов, которые были репрессированы в сталинский период, а их книги попали в спецхраны; 4) развитие практики свободных дискуссий на самые разные исторические темы, в том числе и относительно «белых пятен» советской истории.

Однако самое большое влияние на процесс формирования нового постсоветского дискурса политики памяти оказало появление в годы Перестройки новых общественных сил, которые после распада СССР превратились в самостоятельных акторов (креаторов) постсоветской модели политики памяти. К ним мы относим, в первую очередь, идеологов разных политических партий и движений, общественно-политических объединений и организаций, а также – отдельных лидеров общественного мнения из числа известных историков, писателей, журналистов, публицистов, кинематографистов. Именно под воздействием данных акторов в постсоветской политике памяти, а также в способах ее инструментального воплощения в системах образования и культуры, в театральном и кинематографическом искусстве получили свою публичную репрезентацию новые смысловые и аудиовизуальные образы. Что касается отдельных тем советской истории, то тут уже подключалось действие ряда дополнительных факторов, о которых речь пойдет ниже.

В 1990-е гг. произошло очередное переформатирование фундаментального мифа о «страданиях советского народа», когда в качестве его объяснительной конструкции из западной литературы была заимствована теория тоталитаризма, которую стали применять в качестве сущностной характеристики советского общественного строя. Если в перестроечные годы в научных дискуссиях о природе тоталитаризма и его проявлениях при сопоставлении двух «тоталитарных режимов» (сталинский и гитлеровский), еще говорилось о существовании между ними определенных отличий, то в новом постсоветском дискурсе политики памяти различия между советским и гитлеровским режимами были отброшены, а между ними был поставлен знак тождества.

Одновременно с этим был сформулирован миф о «России, которую мы потеряли», то есть миф о якобы процветавшей и динамично развивавшейся при последнем императоре царской России, которая погибла по вине большевиков. Иначе говоря, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в сознании активных кругов российской общественности произошел инверсионный поворот: на смену революционно-романтическому образу большевизма, с которым ранее ассоциировались светлые идеалы социализма, пришел его inferнальный, зловещий образ, воплощенный в ужасах массового террора, практикуемого советским преступным режимом⁵⁴³.

Очередные изменения в дискурсе постсоветской политики памяти произошли в начале 2000-х гг., когда проявилось воздействие трех новых факторов: 1) в официальной политике памяти оказались востребованы такие концепты как «государственность» и «патриотизм»; 2) стала возрастать роль Русской Православной Церкви (РПЦ) в качестве самостоятельного актора политики памяти, занимающегося распространением консервативно-имперской версии российской истории; 3) в массовом сознании получила развитие ностальгия по идеализированному социалистическому прошлому. Эти три фактора по-разному и с разной интенсивностью оказывали свое воздействие на трансформацию различных сюжетов и образов из советской истории.

Важно также иметь в виду, что именно в 2000-е гг. в числе радикальных критиков большевизма и советского режима оказались как представители консервативно-проимперской трактовки российской истории, так и приверженцы ее неолиберальной интерпретации. С точки зрения консервативно-проимперской версии истории России большевизм трактуется как антинародное и антихристианское идейное течение, противоречащее общенациональной русской идеи, основам православной веры, всему имперскому пути развитию России. Образы Ленина, Сталина и других лидеров большевизма рисуются имперскими консерваторами в негативном, зловещем цвете⁵⁴⁴.

⁵⁴³ Русакова О. Ф., Русаков В. М. Проблемы концептуального моделирования сущности большевизма: переход к парадигме мобильности (к 100-летию Великого Октября) // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 13.

⁵⁴⁴ Там же. С. 14–15.

В неолиберальной трактовке весь советский период российской истории предстает как время господства лживой коммунистической идеологии и преступной социалистической практики, которым с исторической неизбежностью должен наступить конец. Кроме того, для неолибералов принципиальное значение имеет концепция тождества двух тоталитарных режимов – гитлеровского и советского, обращение к которой позволяет им обосновывать собственное неприятие советской власти. Отсюда – упование российских неолибералов на очистительную силу политики декоммунизации⁵⁴⁵.

В новом дискурсе политики памяти, помимо консервативно-проимперской и неолиберальной версий советской истории всегда существовала, правда в стилизованном виде, ностальгически-просоветская версия истории СССР. Посредством данной версии транслируется во многом идеализированный образ социалистического прошлого, при передаче которого акцент делается на завоеваниях и достижениях советских людей, что должно вызывать у аудитории чувство гордости за историческое величие советской эпохи. Данная установка своей просоветской направленностью существенно перекрывает присутствующие в кинопроизведении картины тяжелой жизни и трудных судеб советских людей (в годы войн, выполнения пятилеток, жесткого партийно-государственного контроля, политических репрессий). Ностальгические интенции, присутствующие в такой версии политики памяти, в значительной степени отвечают настроениям большой группы россиян, не желающей полностью расставаться с идеалами советской эпохи.

Со второй половины 2010-х гг. происходит очередная трансформация дискурса новой политики памяти, касающаяся, правда, не столько ее содержательной стороны, сколько способов и механизмов ее формирования. В связи с массовым распространением электронных устройств (ноутбуков, планшетов, смартфонов) и широкой доступностью интернета, а также все большим вовлечением в виртуальное пространство социальных сетей массы россиян, количество акторов политики памяти возросло на порядок: практически каждый россиянин сегодня получил возможность непосредственно принимать участие в формировании того или

⁵⁴⁵ Там же. С. 13.

иногo дискурса политики памяти, публично выдвигать и обсуждать актуальные темы и вопросы отечественной и мировой истории.

Постсоветский российский кинематограф, на наш взгляд, вполне можно рассматривать в качестве мультимедийного зеркала, в котором получают свое отражение основные стратегические установки и смысловые символические образы, присутствующие в современном дискурсе политики памяти о советском прошлом. Говоря о стратегических установках, демонстрируемых прямо или косвенно в кинопроизведениях постсоветского времени, мы прежде всего имеем в виду названные ранее три основные версии исторической памяти о советской эпохе: 1) консервативно-проимперская стратегия; 2) неолиберальная стратегия; 3) ностальгически-просоветская стратегия. Первые две стратегические установки нацелены на формирование у зрительской аудитории негативного и непривлекательного образа советского прошлого. Различие между ними состоит только в том, что консервативно-проимперская стратегия акцентирует внимание на глубокой исторической вине большевиков и советских руководителей за революционное прерывание многовековой монархической традиции, в соответствии с которой мог бы и дальше успешно идти процесс развития имперской России, а неолиберальная модель истории СССР рассматривает весь советский период как радикальный отказ и отступление от традиций прогрессивно-поступательного развития западной цивилизации и как эпоху господства тоталитарной власти.

Ностальгически-просоветская кинематографическая стратегия репрезентации советского прошлого стремится представить советскую эпоху в первую очередь как время достижений крупных исторических побед (на фронтах гражданской и отечественной войн, в сфере освоения новых научных технологий, в космической отрасли, в спорте, искусстве, литературе и т.д.). Данная стратегия также предполагает передачу зрителям посредством кинематографического языка емких представлений о переживаемых советским человеком тяжелых жизненных испытаний, которые, хотя и могут привести главных героев к совершению неприглядных поступков и к асоциальному поведению, но все же показывается это таким образом, чтобы у зрителей в «осадке» оставалось светлое чувство, а не отвращение.

Важно отметить, что ностальгически-просоветская стратегия конструирования кинематографических образов советского прошлого нацелена главным образом на продвижение оптимистического мировосприятия, предполагающего возможность восхождения современной России к высотам мирового величия, когда-то достигнутых Советским Союзом в качестве сверхдержавы, на возвращение к героике советского народа, ведущего борьбу за утверждение социалистических жизненных ценностей. В отличие от данной стратегической установки в консервативно-проимперской и неолиберальной версиях советской эпохи основные персонажи советских людей, а также их идейные антиподы, представлены либо в качестве жертв сложившихся обстоятельств, либо в роли «винтиков» репрессивной машины советской власти, а иногда – в форме их сложного сочетания⁵⁴⁶.

Обратимся далее к тем событиям из советского прошлого, которые стали основными сюжетами художественных кинофильмов в постсоветской России. Начнем с событий, связанных с Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Здесь важно отметить, что в советской модели политики памяти события Февральской революции всегда занимали маргинальное положение. В официальной доктрине «Красного Октября» данной революции отводилась всего лишь роль предтечи Великой Октябрьской социалистической революции, с которой, согласно советской историографии, началось развитие новой эпохи в судьбах всего человечества. В постсоветское время ситуация резко поменялась. Теперь уже Февральская революция стала рассматриваться в большинстве картин, вышедших в 1990-х – начала 2000-х гг., в качестве некой надежды на продолжение современной Россией имперской линии развития, либо в качестве задачи преодоления страной своего тоталитарного прошлого. Данные идеи положены в основание как консервативно-проимперской, так и неолиберальной версий дискурса памяти в постсоветском кинематографе. Что касается ностальгически-просоветской

⁵⁴⁶ Например, в фильме А. Кончаловского «Дорогие товарищи!» (2020) главная героиня одновременно оказывается и жертвой политических обстоятельств, связанных с подавлением летом 1962 года протестов рабочих в Новочеркасске, и ответственным партийным работником, резко критикующим поведение забастовщиков.

версии, то она стала активно проявляться несколько позднее – в конце 2000-х гг.

В 1992 г. на экраны кинотеатров вышел фильм «Чекист» режиссера Александра Рогожкина. Как сообщалось в аннотации к фильму, он был снят по повести В. Зазубрина «Щепка». Повесть была написана в 1923 г., но опубликована только в 1989 г. В. Зазубрин изобразил как губернская чека механически уничтожает всех людей, попавших в ее застенки, и что происходит с бывшими фронтовиками, которые вынуждены отнимать человеческие жизни, когда в этом нет ни политической, ни социально-экономической необходимости. Если у Зазубрина действия чекистов были изображены как трагедия не только уничтоженных ими, но и самих исполнителей, то в фильме актуальные для начала 1920-х гг. размышления были отброшены и основной смысл действий чека свелся к тому, что «красные» – это безжалостные палачи, а их жертвы («белые» офицеры, простые солдаты, проститутки, уголовники, попы, городские обыватели с «неправильным» социальным происхождением) – хорошие. Кровавые действия чекистов сопровождаются диалогами вроде того, что «революция – не идея, она – живой организм, она – беременная баба» и с ее тела необходимо очистить паразитов, что «чека – есть орудие массовой расправы, а не суда», «достаточно социального происхождения, не надо вины». Фильм хорошо вписывался в политику исторической памяти начала 1990-х гг., которая распространяла вину за «страдания советского народа» на весь советский период, начиная с октября 1917 г.

В 1993 г. режиссером Гелием Рябовым был снят десятисерийный художественный фильм «Конь белый» на средства «Лада-Банка». Фильм «переворачивал» прежнюю советскую официальную версию Гражданской войны, изображая то, как «благородные белые офицеры» ведут героическую борьбу против «взбунтовавшейся толпы», главная цель которой – не судьба России, а как лучше «отнять и поделить». В основу фильма был положен библейский миф о борьбе добра со злом. Начинается фильм с отсылки к библейскому образу «всадника на белом коне», поддерживаемого визуальным образом «Георгия Победоносца на белом коне», поражающим «зло», роль которого в картине выполняют «красные», затеявшие кровавую смуту. Так у храма в Петрограде слышится разговор, что хрип революции – это

хрип сатаны, и при этом идет звуковой ряд не то сатанинского смеха, не то хрипа.

Во второй серии показано, как живут «красные комиссары»: особняк в Екатеринбурге 16 июля 1918 г., в котором пьянствуют советские партийные работники вместе с буржуазными дамочками, они танцуют танго под пианино и курят длинные сигареты. Здесь же крутится дамочка в красном платке. Столы завалены едой, есть даже красная и черная икра, шампанское и вино в изобилии. Пьяный коммунист рассказывает, что однажды они раздели до гола контрреволюционеров и закопали их в землю по пояс на 40-градусном морозе, а утром пришли – «а они все белые». На риторический вопрос, хорошо ли обжираться, когда рабочие голодают, предлагают послать яйца в Кремль, и тогда «мы победим гидру».

Сегодня уже позабыты те коннотации, которые были актуальны в начале 1990-х гг., когда продовольствие в нашей стране доставали по талонам и с ненавистью описывали сытную и роскошную жизнь советской партноменклатуры. Представленная в фильме сцена должна была разжечь ненависть уже в отношении всех «красных» как представителей правящего класса в советскую эпоху. А далее из серии в серию показываются действия красных садистов: то царскую семью убивают и глумятся над трупами, то кого-то пытаются в застенках, то расстреливают кого-то под еврейскую музыку. Арестованный белыми большевик заявляет, что «мы всю Россию кровью зальем, а своего добьемся» и т.д. Правда, в фильме показано и то, как белые топят баржу с пленными красными.

Для российских кинематографистов, выбравших в качестве исходной объяснительной модели консервативно-проимперскую стратегию освещения революционных событий 1917-го г., Февральская революция выступает своеобразным прологом для раскрытия ранее полузапретной темы – гибели царской семьи. Именно с позиции консервативно-проимперской версии, к примеру, трактуется образ царя Николая II в фильме «Романовы: венценосная семья» режиссера Глеба Панфилова, вышедшем на экраны страны в 2000 г. В данном фильме проводится четкая грань между хорошим и добрым царем и плохими революционерами-большевиками, решившими убить венценосную семью. При этом образ главного киногероя – Николая II – в самом начале

ленты предстает перед зрителями в виде глубоко страдающей и переживающей за судьбу собственной семьи (а не за судьбу России!) фигуры, ставшей жертвой политических интриг и государственного заговора. Подписывая акт отречения от престола, Николай II приносит в жертву сложившимся обстоятельствам как свою репутацию царствующей особы, так и должность главнокомандующего российской армией в один из самых ответственных периодов Первой мировой войны. Здесь просматривается идея о том, что, если бы не Февральская революция (а тем более – большевистская революция), то Российская империя вышла бы победителем из Первой мировой войны. Сверхзадача фильма – вызвать у зрителя острое чувство недовольства революционной смутой и коллективным заговором царских генералов и думских депутатов, принудивших царя отречься от престола.

Образы руководителей партии большевиков – Ленина, Троцкого и Свердлова – в фильме представлены в виде зловещих фигур с отвратительными физиономиями, которые ведут переговоры по поводу решения судьбы царской семьи в мрачных интерьерах закулисья какого-то театра летом 1918 г. Именно тогда, согласно режиссерской версии, Ленин произнес слова о том, что врагам нельзя оставлять живого знамени, то есть, санкционировал убийство царской семьи. Большевики трактуются в фильме как государственные и религиозные преступники, совершившие страшный христианский грех цареубийства. Следует также отметить, что у данного фильма было два варианта финала. В первом варианте «Романовых» картина заканчивалась сценой захоронения останков царской семьи в усыпальнице Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, а во втором – документальными съемками из храма Христа Спасителя, где Патриарх Алексий II объявил членов царской семьи невинными мучениками, совершая их канонизацию. В этой связи становится очевидным общий конъюнктурно-политический замысел фильма.

В том же 2000 г. на экраны страны выходит фильм Александра Сокурова «Телец», рассказывающий о последних днях жизни тяжело умирающего в Горках В.И. Ленина. По замыслу режиссера, данный фильм выступает идейно-художественным продолжением тетралогии о главных диктаторах XX в., олицетворяющих собой неограниченную власть и умело ею пользующихся. В первом фильме «Молох» речь идет о Гитлере, во втором, названном «Телец», – о Ленине.

Третий фильм под названием «Солнце» посвящен жизнеописанию японского императора Хирохито.

Название «Телец» символизирует жертвенное животное, с которым должен ассоциироваться образ умирающего вождя революции. В фильме образ Ленина рисуется в виде немощного, жалкого человечка, испытывающего страшные муки от своего физического бессилия и невозможности вырваться из замкнутого круга политической изоляции, который создали вокруг него партийные коллеги и домочадцы. Представленное в фильме в физиологических подробностях больное тело вождя должно было вызвать у зрителей тошнотворное чувство брезгливости, благодаря чему режиссер достигает задуманного эффекта дегероизации и демифологизации образа Ленина в глазах зрителей.

В данной картине мы улавливаем определенные признаки присутствия в ней элементов стратегической установки неолиберального характера. Это и проводимая ее создателем очевидная параллель между гитлеровским и советским тоталитарными режимами, и взгляд на главного героя как на жертву сложившихся обстоятельств, а на его страдания – как на неизбежную расплату за неудержимую жажду власти. Наконец, о неолиберальной установке фильма говорит и достигаемый конечный эффект – сбрасывание сакральных одежд с вождя мировой революции.

В 2008 г. режиссером Владимиром Мотылем был снят фильм «Багровый цвет снегопада» по собственному сценарию. Фильм охватывает большой временной промежуток: годы Первой мировой войны, революций, Гражданской войны и новой экономической политики. Основная стратегическая установка данного фильма – консервативно-проимперская, а тема фильма – Россия, «которую мы потеряли». В нем говорится о невежественной дикой черни, которая не понимает мира, где «хрустит французская булка», а подтянутые «благородные» корнеты и юнкера кружат прекрасных барышень. Герои фильма четко разделены на две группы: офицеры старой армии и «революционное большевистское отребье». Показана сцена, когда главная героиня в Петрограде, завидев пьяных матросов в бушлатах нараспашку, прячется на набережной, а матросы тем временем бредут нетвердой походкой мимо и горланят непристойную песенку. Октябрьскую революцию герои встречают на вокзале в Иркутске, где они сталкиваются с неадекватными и жестокими местными комисса-

рами в кожанках, которые, нацепив красные тряпки на грудь, творят жестокость и беспредел по отношению к пожилому генералу, который приехал с инспекцией и расстреливают его без суда и следствия прямо возле вокзала. Впрочем, и последующее изображение советских людей уже в годы НЭПа такое же карикатурное и стереотипное. Для маркировки советского пространства в фильме служат развешанные в Москве (куда приехала героиня из эмиграции, чтобы поквитаться за убитого мужа) плакаты с надписями: «Маркс. Ничто человеческое мне не чуждо» и «Религия – опиум для народа» (последний плакат – на храме Василия Блаженного).

Тему «благородных белых патриотов» продолжает фильм «Адмирал» режиссера Андрея Кравчука, вышедший на экраны в том же 2008-м году. Режиссер показывает образ честнейшего и благороднейшего верховного правителя, такого последнего шанса России, которым он, разумеется, в реальности не был. Любовь, шампанское и приятные балы и прогулки, детский смех, чистота и порядок должны символизировать «Россию, которую мы потеряли» и одновременно тот «милый мир», в который вторглась большевистская тьма. Так, Колчак мысленно разъясняет своей любимой женщине – Тимиревой: «Революция заслонила будущее от нас. Надвигается тьма». Поскольку в начале 2000-х гг. РПЦ стала все активнее заявлять о себе как о главном агенте политики исторической памяти, то это получило свое отражение и в данном фильме: вот Колчак собирает команду во время боя на молебен – и вражеский корабль подрывается на mine, вот Каппель призывает Бога на помощь – и без патронов побеждает красных безбожников, вооруженных до зубов и засевших в окопах.

В 2010-е гг. стали бесперспективными попытки обелить адмирала Колчака и представить его «ангелом во плоти», о чем свидетельствуют «войны памяти» и «войны памятников», развернувшиеся вокруг его фигуры⁵⁴⁷. Поэтому

⁵⁴⁷ Вибе П.П. Мифологизация публичной истории Гражданской войны в Сибири // Два цвета – две правды?: Материалы круглого стола в Омском областном музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Омск, 2020. С. 11–22; Кокоулин В.Г. «Война памятников» и «война памяти» в постсоветской России // Пятые Ядрицевские чтения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 29–35; Леготина Н.А. Отражение исторического

предпринимаются попытки найти второстепенные фигуры, не столь одиозные, как адмирал Колчак, и сделать их «символом белой идеи». Одним из таких персонажей стал генерал Анатолий Пепеляев – вояка-генерал, не замешанный в кровавых делах белого режима. В 2015 г. появляется кинокартина «Контрибуция» режиссера Сергея Снежкина. Белогвардейцы берут город Пермь, однако положение армии бедственное – не хватает всего, но и конфисковать нечего, все уже забрали красные. Тогда генерал Анатолий Пепеляев по совету своего адъютанта приглашает промышленников и требует с них предоставить его армии нужную сумму денег. Одна богатая вдова в качестве платы дает большой бриллиант, который тут же исчезает. Чтобы его найти, генерал Пепеляев предлагает приговоренному к расстрелу красному следователю Мурзину в обмен на жизнь найти украденный бриллиант. Фильм оказался удивительно созвучным не Гражданской войне, а российскому обществу середины 2010-х гг. Так, свора «состоятельных российских граждан» весьма похожа на российских олигархов 2010-х гг., а генерал Пепеляев говорит фразу: «Кто-то решил, что сегодня в России можно все – любая подлость, любое преступление... Все сойдет с рук... Я намерен доказать, что это не так». Вместо генерала Пепеляева эту фразу вполне мог бы произнести российский президент и никакого отличия современники фильма не заметили бы.

О том, как перестраивается историческая память о главных советских героях Гражданской войны, хорошо

материала в художественном кино, или «Чапаев» и «Адмирал»: смена эпох – смена героев // *Время культуры в региональном пространстве: сб. науч. тр. Курган, 2010. С. 122–126; Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49; Петин Д.И., Стельмак М.М. «Сибирь, союзники и Колчак»: восприятие военно-революционного периода 1917–1922 гг. современным обществом (в рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России 1917–1922 гг.: историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. материалов науч.-практ. конф. Омск, 2016. С. 340–345; Шиловский М.В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация Гражданской войны в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1. С. 133–138.*

видно на примере современных российских кинофильмов о В.И. Чапаеве и Г.И. Котовском.

В 2012–2013 гг. на экраны российских кинотеатров вышел художественный фильм «Страсти по Чапаю» режиссера Сергея Щербина. Следует отметить, что сценаристом этого фильма был Эдуард Володарский, создатель скандального сериала «Штрафбат». Фильм, очевидно, задумывался как антипод «Чапаеву» 1934 г. Достаточно сравнить образ Д. Фурманова в обеих картинах. В фильме 1934 г. Фурманов поднимал авторитет Чапаева, в сериале С. Щербина Фурманов строчит доносы на Чапаева и стреляет ему в спину (правда, промахивается). Известная сцена с картошкой, при помощи которой Чапаев в фильме 1934 г. объяснял действия командира в различных ситуациях боя, теперь полностью переворачивается. Чапаев демонстративно сбрасывает широким движением руки разложенную кем-то картошку с карты и громко возмущается: «Сколько раз говорил, не кладите картошку на карту боевых действий».

В этом сериале сошлись несколько мифов постсоветской России. Один из них – «Россия, которую мы потеряли». В первой серии показана царская Россия – зажиточная и благолепная во главе с царем-батюшкой и сытым счастливым народом, который мирно живет и честно трудится, добротой одевается и сытно кушает. Другой миф – о глубокой и основательной религиозности российского населения до революции. Герои фильма постоянно крестятся, вся первая серия посвящена строительству церкви, показан священник с мудрым смиренным взором и соответствующими рассуждениями. Зато убийство священника «красными» показано как гнусная и отвратительная сцена. Молодой Чапаев не только строит церковь, но и совершает свой первый благолепный поступок – устанавливает крест на купол церкви, рискуя при этом жизнью. С купола он в итоге срывается, но благополучно оказывается в телеге с сеном, что смягчает удар. Когда уже в ходе революции его брат сообщает, что церковь он сжег, то Чапаев бьет его, а затем отправляется в церковь, где находит икону, крестится и возмущается, зачем же сожгли церковь. В ответ брат пишет донос в политотдел на Чапаева, что тот «контра» и верует в бога.

Красноармейцы в сериале постоянно напиваются до безобразия и скотского состояния. Гнусным персонажем

показан в картине и «демон революции» – Л.Д. Троцкий, который буквально измывается над боевым командиром дивизии, выплевывая ему шелуху семечек на начищенные до блеска сапоги и вообще позволяет себе оскорблять боевого командира, который в ответ на приказ о сдаче командования начинает причитать, что об него «ноги вытерли», потому что он «академиев не кончал». Дополняет отрицательные образы «красных» безбожников неизменный чекист – сексуально озабоченный, умеющий только расстреливать и бить всех, кто попадает в его кровавые лапы. Характерно, что и «белые» изображаются в том же негативном ключе. Так, к примеру, Белую армию символизируют звероподобные казаки, хотя и в ней попадают «благородные» офицеры, но они – большая редкость.

Сериал, не смотря на то, что его главный положительный персонаж – широко известный «красный» герой Чапаев, опирается, тем не менее, на консервативно-проимперскую стратегию в описании событий Гражданской войны. В данной трактовке в Гражданской войне не оказалось ни явных победителей, ни побежденных. Любопытно отметить еще один момент, связанный с трактовкой в фильме образа Анки-пулеметчицы. В киноленте 1934 г. это был полностью вымышленный мифологический персонаж. За роль прообраза спорили жена Фурманова Анна Стешенко и санитарка Мария Попова. Согласно сюжету фильма, мифологическая Анка прибыла с комиссаром Фурмановым в дивизию в составе отряда иваново-вознесенских ткачей и проявила себя как смелая и решительная девушка. Ординарец Чапаева Петр Исаев обучил ее стрелять из пулемета и в итоге у них возник роман. В сериале «Страсти по Чапаю» Анка становится Анной Стешенко – женой комиссара Фурманова и у нее возникает любовная связь не с Петькой, а с самим Чапаевым, из-за чего Фурманов от ревности и стреляет Чапаеву в спину. Обратим внимание на то, что Чапаев из данного сериала полностью копирует реального адмирала Колчака, который завел любовную связь с женой своего подчиненного капитана 1-го ранга (затем контр-адмирала) Сергея Тимирева. Таким образом, в данном сериале «красный» Чапаев оказывается зеркальным отражением «белого» Колчака, а белые казаки – отражением чапаевских бойцов.

Похожая трансформация произошла и с Г.И. Котовским, который в сериале 2009 г. «Котовский» режиссера Ста-

нислава Назирова превратился из героя революционной эпохи в банального бабника и разбойника.

Таким образом запечатленная российским кинематографом 1990-х – начала 2010-х гг. проводимая в стране официальная политика памяти формировала у массового зрителя представления о Гражданской войне как об исторической «смуте», во время которой патриоты-«белые» вели героическую борьбу против кровожадных «красных». Эта установка не исключала, однако, введения в сюжетные линии некоторых корректирующих моментов, связанных с происходящими в обществе изменениями взглядов на советский исторический процесс.

В 2015 г. на экраны страны вышла кинокартина «Батальон» режиссера Дмитрия Месхиева, который как и многие его предшественники придерживается консервативно-имперской стратегии. События, показанные в фильме, происходят в 1917 г. Он начинается с текста в самом начале, задающим направление повествования: «Россия. Весна 1917 г. Первая мировая война идет уже 3 года. Монархия свергнута, к власти пришло Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским. Страну раздирают политические противоречия. Армия разваливается. Время смуты, хаоса и отчаяния...». Затем рассказывается, как по приказу Временного правительства создается женский «батальон смерти», который после прибытия на фронт фактически был уничтожен немцами. Заканчивается фильм текстом: «Мария Бочкарева за пособничество белым была расстреляна в 1920 г.», дескать, какие были кровожадные большевики, которые репрессировали такую героиню. Персонажи фильма четко разделены на две группы без полутонов: «плохие» – немцы, тупая ленивая разложившаяся от немецкого шнапса солдатня и состоящие из красных солдатские комитеты, а «хорошие» – героический женский батальон. А между ними безвольно болтаются офицеры и Керенский с группой военных.

Псевдопатриотизм, который стремятся внушить зрителям создатели фильма, состоит в том, что за Родину надо умереть, чтобы «немцы нашу землю не топтали». И ни разу режиссер даже намеком не задает главных вопросов: «А за что, собственно, гибнем? Зачем солдаты сидят в грязных окопах, под бомбами и газами противника, за что убивают таких же солдат, как и они сами?». Правда истории, однако, состояла в том, что солдатам обеих сторон война была не нужна,

лишь правительства воюющих стран хотели продолжать ее. Ничего не сказано в фильме о гигантских военных потерях, отступлениях, нехватке снаряжения и боеприпасов. Но проводится мысль о том, что Великую империю разъедают изнутри «темные силы», которые подзуживают солдат браться с немцем и бросать окопы. Основной вывод, который должны сделать те, кто посмотрел «Батальонъ», состоит в том, что Октябрьская революция – не следствие предшествующих ей социальных и политических катаклизмов, борьбы социально-классовых сил и политических партий, а всего лишь крупная «русско-немецкая провокация», осуществленная на германские деньги всевозможными шпионами.

Парадоксально, но даже в попытках придать патристическое толкование событиям Первой мировой войны, режиссер фильма «Батальонъ» умалчивает о таком важном событии как брусилковский прорыв, поскольку тогда сразу возникла бы проблема, связанная с освещением факта перехода генерала Брусилова на сторону «красных» после победы большевистской революции 1917 года.

Согласно социологическим опросам, которые проводились в России в разные годы, среди значимых событий XX в. самым главным остается Победа в Великой Отечественной войне. Столь же значительное место занимает тема Великой Отечественной войны в российском постсоветском кинематографе. Так, за последние 20 лет было снято более сотни разных фильмов и сериалов, посвященных этой теме. Однако среди них не оказалось ни одного, непосредственно посвященного Победе в мае 1945 года. Даже снятый в 2006 г. фильм «День Победы» рассказывал не столько о Победе, сколько о том, как воевал штрафбат, состоящий из репрессированных и уголовников.

Переходя к анализу постсоветского кинематографа, повествующего о периоде Великой Отечественной войны, следует напомнить, что в советские годы в задачу политики памяти входило конструирование таких образов данной войны, которые бы исключали из коллективной памяти скорбные страницы военных неудач⁵⁴⁸. Если посмотреть фильмы, которые вышли в начальный период войны и в послевоенное время, то отчетливо видно, что первые были посвящены мо-

⁵⁴⁸ Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Москва, 2020. Т. 1. С. 59.

билизации всех ресурсов на борьбу с фашистскими захватчиками, а вторые – победе как символу торжества советского строя, сталинского руководства и преимуществ социализма. В фильмах послевоенных лет основное внимание уделялось победоносным сражениям – битве под Москвой, Сталинградом, Курском, наступлению на Берлин. А, например, Ржевская битва в числе многих других сражений, в которых Красная Армия или не достигла значительных успехов или потерпела поражение, сознательно вытеснялась из исторической памяти и, соответственно, из массового сознания.

В годы перестройки табуированные в советском кинематографе такие темы как судьба военнопленных, коллаборационизм, штрафные батальоны и роты, репрессии, поражения в начальный период войны и т.д. стали главными сюжетами многочисленных фильмов и сериалов: в фильме «Гу-га» (1989, режиссер В. Новак) показаны штрафные роты, в телесериале «Плач перепелки» (1990, режиссер И. Добролюбов) – полицаи и коллаборационисты, в «Охоте на единорога» (1989, режиссер В. Лаптев) – военнопленные, попавшие после фашистских концлагерей в сталинский ГУЛАГ.

В 2004 году на экраны выходит фильм «Свои» (2004, режиссер Дмитрий Месхиев), в котором деревенский староста-полицай изображен неплохим, бывалым человеком, спасающим от немцев советских солдат, бежавших из плена⁵⁴⁹. Происходит кинематографическое усложнение образов «своих», попавших в сложный переплет событий военного времени, когда однозначно трудно определить, кто есть «свой», а кто – «чужой».

Тема «хороших фашистов» была продолжена в фильме «Враги» (2007, режиссер Мария Можар). Повествование ведется от имени мальчика, который рассказывает, что немцы в их деревне живут почти год и хорошо уживаются с местными бабами. Те стирают им одежду и кормят. Староста деревни однажды пошел в лес и пригрозил партизанам: если что-нибудь натворите, еды не получите. Так что партизаны к немцам с добром, и они с ними с добром. Показанная в фильме деревенская баба Настка то шутит о том, что немцы

⁵⁴⁹ Кегель И. де. Необычные перспективы: Великая Отечественная война в новейших российских фильмах // Память о войне 60 лет спустя. Москва: Новое лит. обозрение. 2009. С. 754–759.

скоро от скуки подохнут, то грустит и поглаживает вывешенный сушиться немецкий китель, заявляя, что ей тоже хочется о ком-то заботиться – «счастье, хоть и дырявое».

Ключевая идея данного фильма вполне прозрачна, она из той же серии, что высказывания коллаборационистского толка: если бы не проклятый Сталин со своей обороной Ленинграда, Москвы и т.п., пили бы баварское! В роли одного из представителей фашистов в оккупированной деревне изображен офицер-очкарик, который читает Гейне хозяйке избы. Этот же очкарик-фашист пишет рапорт об отправке его на фронт, поскольку он не желает в тылу «воевать с детьми» (хотя паренек, с которым он «не желает воевать», не понятно по какой причине попытался подорвать рельсы и был захвачен патрулем).

Фашистские офицеры и солдаты, которые представлены в ряде постсоветских фильмах в качестве неких жертв военного времени, которых против их воли Гитлер погнал на кровавую бойню, по сути, уравниваются с советскими солдатами, которые тоже рассматриваются как жертвы, но уже другого кровавого диктатора – Сталина, который, как и Гитлер, гонит их на бойню. Данное расхожее клише, которое характерно для неолиберальной версии политики памяти, подспудно проступает сквозь сюжетную ткань таких фильмах как «Мы из будущего» (2008, режиссер Андрей Малуков) и «Сталинград» (2013, режиссер Федор Бондарчук).

Если в ряде постсоветских фильмов символом гитлеровской диктатуры выступают фашистские интеллигенты-очкарики и философствующие фашистские офицеры, то в качестве символов сталинской диктатуры представлены отморозки-энкавэдэшники, которые истребляют больше «своих», чем «чужих» и делают это более изощренно, чем гитлеровцы. Так, в сериале «Спасти или уничтожить» (2013, режиссер Владимир Фатьянов) первый же труп на экране – красноармеец, застреленный злобным энкавэдэшником прямо в камере. А далее показаны лейтенант, направленный из-под расстрела на безнадежное задание, генерал с тремя годами лагерей за спиной, жестокая энкавэдэшница, которая убивает больше советских солдат, чем фашистов, расстреливающий своих же пленных контуженый майор. Следует отметить, что в данном сериале нацисты, в отличие от сотрудников НКВД, всячески облагораживаются. Так, в фильме показана сцена, когда немецкого ефрейтора, который украл

ложки у «руссише швайне», «бравый и честный» немецкий офицер желает немедленно наказать. Судя по явной тяге режиссера к приданию образам сотрудников НКВД еще больших, чем их врагам-фашистам, отталкивающих черт, его исходной стратегической установкой выступает неолиберальная версия политики памяти, взятая в своей утрированной, инверсионной форме, а именно: советские сотрудники органов госбезопасности ведут себя на войне гораздо страшнее, чем немецкие захватчики.

Из фильмов последних лет о Великой Отечественной войне, пожалуй, только в картинах «28 панфиловцев» (2016 г., режиссеры Ким Дружинин и Андрей Шальопа) и «Девятаев» (2021, режиссер Тимур Бекмамбетов и Сергей Трофимов) можно уловить некоторые черты ностальгически-просоветской стратегии политики памяти. В обоих фильмах с большими подробностями раскрывается героизм и военный подвиг советского человека. Среди персонажей фильмов нет ни злобных особистов, ни «добрых» нацистов. Однако нельзя не отметить, что в «28 панфиловцах» в пламенной и весьма продолжительной речи комбата, вдохновляющей советских бойцов на смертный бой с фашистами, почему-то ни слова не говорится ни о СССР, ни о Сталине, а только о России и русском народе. Кроме того, неправдоподобно выглядит сцена молитвы солдат перед боем, среди которых, как известно, были и казахи, и киргизы. Эти и некоторые другие эпизоды фильма, не отличающиеся правдоподобием, придают его патриотической интенции несколько натужный характер, заставляют усомниться в искренности его просоветских ностальгических порывах.

Фильм «Девятаев» посвящен реальному подвигу, совершенному гвардии старшим лейтенантом Михаилом Девятаевым, которому удалось сбежать из немецкого концлагеря Узедом на угнанном бомбардировщике. Но при общей правдивости повествования о трудностях задач, которые решает герой в процессе подготовки и проведения данной дерзкой операции, весьма сомнительно выглядит его мужская дружба с вымышленным киноперсонажем Николаем Лариным, оказавшимся после имитации своей смерти еще и предателем, поскольку сознательно поступает на службу к врагам. Описываемая на протяжении всего фильма данная странная связь героев невольно вызывает у зрителей неудобные мысли о ее

скрытом сексуальном характере, что противоречит общему просоветскому и патриотическому пафосу фильма.

Что касается отражения ностальгически-просоветской стратегической установки в российском кинематографе, то она начинает впервые заявлять о себе в целом ряде кинолент, посвященных годам послевоенной жизни, хрущевской «оттепели», космическим достижениям эпохи СССР. К ним, на наш взгляд, можно отнести такие картины, как «Ликвидация», «Оттепель», «Оптимисты», «Время первых», «Салют-7».

В 2017 г. киноиндустрия нашей страны представила два фильма о космосе, основанные на реальных событиях. Этот факт подтверждает, что тема космоса оказалась весьма актуальной для российской аудитории как никогда ранее. Первый фильм, вышедший в апреле 2017 г. под названием «Время первых», рассказывал о первом космонавте, вышедшем в открытый космос, Алексее Леонове и его напарнике Павле Беляеве. Режиссер Дмитрий Киселев удачно воплотил в киноленте неповторимую атмосферу общественного подъема и вдохновения новыми научными открытиями середины 1960-х гг., когда космическая гонка между США и СССР достигла своего пика и на кон выставлялись человеческие жизни ради первенства выхода в открытое космическое пространство.

В фильме основной акцент делается на характерах и судьбах главных героев, которые благодаря своему мужеству и самоотверженности превратили, казалось, совершенно невероятное в реально выполнимое. В целом фильм наполнен драматическими мотивами, без которых было бы сложно вызвать патриотические чувства у зрителей. В нем главные киногерои Леонов и Беляев, узнав обо всех опасностях, которые им угрожают, были непоколебимы в своем намерении отправиться в космос и выполнить государственное задание. Несмотря на все трудности и непредвиденные обстоятельства, финал фильма оказывается счастливым. Герои выжили, вернулись к своим семьям, страна вновь получила мировую славу и уважение, а зрителей, посмотревших «Время первых», переполняли патриотические чувства гордости за державу.

В октябре 2017 г. в прокат вышел фильм режиссера Клим Шипенко «Салют-7», рассказывающий об одной из самых тяжелых и опасных экспедиций советских космонавтов. Полет Виктора Савиных и Владимира Джанибекова, который

состоялся в 1985 г., навсегда вошел в мировую историю, закрепляя за советскими космонавтами право называться покорителями космоса: космонавтам удалось вернуть жизнееспособность космической станции.

Следует отметить, что среди публики и кинокритиков данные фильмы получили очень высокий рейтинг. Это наталкивает на мысль о том, что и создатели картин, и их зрители оказались небезразличными к героическим страницам советской истории освоения космоса. Фильмы, способные взять за душу человека, перевернуть все внутри и помочь осознать что-то новое, до сих пор неизведанное – это именно то, чего не хватало современному российскому кинематографу на протяжении многих лет.

В кинокартинах «Время первых» и «Салют-7» тема освоения космоса представлена была именно в том формате, в котором ее проще всего воспринимать современному зрителю, – в жанре блокбастера, насыщенного активным действием, неожиданными поворотами сюжета, где космонавты выступают супергероями. Таким образом, тенденция роста популярности космического жанра в российском кинематографе оказалась обусловлена, с одной стороны, коммерческой составляющей развития кинематографа в целом⁵⁵⁰, а с другой – востребованностью патриотической тематики у современного общества, его стремлением к переживанию чувства гордости за великие достижения своего Отечества, относящиеся как к советскому прошлому, так и к постсоветскому настоящему.

IV.2. Политика памяти о советском прошлом, преломленная в школьных учебниках отечественной истории 1990-х – 2010-х годов

Учебник истории – один из важнейших инструментов политики памяти, связанной с использованием таких технологий как замалчивание, забвение, обеление, переконструирование отдельных страниц истории, выделение учредительного события, за которое цепляется историческая

⁵⁵⁰ Лалетина А.Д., Гмызина Э.В. Репрезентация темы освоения космоса в современном российском кинематографе // Общество. Наука. Инновации: сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 т. / Вят. гос. ун-т, 2018. Киров, 2018. С. 415–421.

память. В советской истории такими событиями были Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война, создание СССР, Великая Отечественная война. В новой истории России к ним добавился распад СССР и все, что связано с его созданием и существованием. Помимо этого, объектом советской политики памяти были исторические процессы, связанные со строительством социализма (индустриализация, коллективизация, репрессии 1930-х гг.), международные отношения накануне Великой Отечественной войны, взаимоотношения со странами социалистического лагеря в послевоенный период, Перестройка. Кроме того, политика памяти в нашей стране коснулась и таких личностей советского периода, как В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и др.

Методологической основой советского взгляда на прошлое было марксистское понимание истории и, как писала в 1935 г. А.М. Панкратова, задачей любого большевистского учебника истории провозглашался ее показ «в аспекте нашей грандиозной эпохи, в свете исторической борьбы рабочего класса за пролетарскую диктатуру и социализм во всем мире», увязка истории вчерашнего дня «с теми грандиозными новыми задачами социалистического строительства, которые стоят перед нами сегодня и еще будут стоять завтра»⁵⁵¹. В последующие годы, вплоть до конца 1980-х гг., такой подход к преподаванию истории и содержанию учебников сохранялся, в результате чего «за кадром» оставались «неудобные» страницы и личности, не вписывающиеся в картину социалистического и коммунистического мироустройства.

На излете Перестройки, в конце 1980-х гг., обозначились две основных тенденции в подходах к оценке истории страны: либерально-демократическая, выраженная в критике прошлого и апологии настоящего, и консервативно-патриотическая, заключающаяся в апологии прошлого и критике настоящего. В 1994 г. министерством образования РФ была утверждена «Стратегия развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях», в которой говорилось о необходимости оперативной замены политизированных и социологизированных учебников, процессе их деидеологизации, заполнении

⁵⁵¹ Панкратова А.М. За большевистское преподавание истории // Борьба классов. 1935. № 1–2, (февр.). С. 25.

«белых пятен», отказе от примитивно понимаемого классового подхода к анализу исторических явлений. Были поставлены задачи отказа от монополии государственно-партийной идеологии и перехода к плюрализму идеологии, обращения к системе ценностей, связанных с лучшими национальными традициями и с общечеловеческой традицией гуманизма как глобального мировоззрения. Новая концепция исторического образования должна была учитывать баланс политических, культурных, этнонациональных и иных ценностей при доминанте общенациональных (государственных) ценностей⁵⁵².

Если в советское время для каждой параллели обучающихся существовал один единственный учебник истории, то провозглашенный в 1990-е гг. плюрализм способствовал появлению огромного количества учебников, число которых к 2000 г. достигло 1200 наименований⁵⁵³. Их количество, а более всего содержание, на тот момент серьезно обеспокоили государственную власть. При этом тревогу вызывала не публикация ранее замалчиваемых фактов или недоступных документов, а категоричность авторов учебников в оценках советского прошлого. Прежде всего это касалось «советского тоталитаризма». Авторы учебников пытались сохранить «золотую середину», однако в конечном итоге у поколения 1990-х – 2010-х гг. сформировалось скептическое отношение к «совку», недоверие к истории собственной страны в целом, неуважительное отношение к людям старшего поколения, участвовавшим в строительстве социалистического и коммунистического общества.

Именно поэтому в августе 2001 г. вопрос о содержании школьных учебников стал предметом рассмотрения на заседании правительства РФ. В декабре 2003 г. на встрече с учеными в Российской государственной библиотеке президент В.В. Путин заметил: «Конечно, это неплохо, что у нас появилось большое многообразие литературы подобного рода...

⁵⁵² О Стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях. Решение коллегии МО РФ от 28 декабря 1994 г. № 24/1 // Справочник преподавателя общественных дисциплин / авт.-сост. Е.Е. Вяземский, Т.И. Тюляева. Москва: Центр гуманитар. образования, 1998. С. 25, 26, 27.

⁵⁵³ Вяземский Е.Е. Школьные учебники истории: опыт постсоветской России и мировая практика // Имидж. 2005. № 8.

но авторы сегодня впадают в другую крайность и игнорируют тему патриотизма вместо того, чтобы воспитывать чувство гордости у учеников»⁵⁵⁴. Как пишут историки К. Аймермахер и Г. Бордюгов, вступление в новый XXI в. положило начало стремлению «сформулировать государственный интерес» или «идею государственного интереса... в обучении истории»⁵⁵⁵.

Заказ на «чувство гордости» повлек за собой споры вокруг ряда учебных изданий. К примеру, поводом для разбирательства вокруг учебника новейшей истории А.А. Кредера (1995) послужил вывод автора о значительной степени виновности СССР в развязывании Второй мировой войны как «соучастника очередной перекройки карты Восточной Европы»⁵⁵⁶. Вышедшее на деньги Джорджа Сороса и рекомендованное Министерством образования в качестве экспериментального пособие И.Н. Ионова (1994)⁵⁵⁷ уже своим названием «Российская цивилизация и истоки ее кризиса» вызвало споры и далеко идущие выводы. Многие историки, политики, чиновники сферы образования заявили о том, что рассмотрение российской истории с точки зрения «либеральных ценностей современной мировой цивилизации» (так определено во введении к пособию) порочно, ошибочно, так как воспитывает в детях чувство национальной неполноценности, ущербности и, кроме того, создает образец для подражания в виде западной цивилизации («общества потребления»). Нешуточные «разборки» развернулись вокруг учебника И.И. Долуцкого (2002), в котором есть строки о форми-

⁵⁵⁴ См.: *Мацявичене М., Соломонова О.* Учебник истории еще не написан // Труд. 2003. 29 нояб.

⁵⁵⁵ *Аймермахер К., Бордюгов К.* История с учебником истории // Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. Москва: АИРО-XX, 2002. С. 7.

⁵⁵⁶ См.: *Кредер А.А.* Новейшая история. XX в.: учебник для основной шк. Ч. 1. 2-е изд. Москва: ЦГО, 1995. С. 127; *Кредер А.А.* Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997: учебник для 9 кл. основной шк. 2-е изд., доп. и испр. Москва: Омикрон-Торг, 2000. С. 156.

⁵⁵⁷ *Ионов И.Н.* Российская цивилизация и истоки ее кризиса. IX – начало XX в.: пособие для учащихся. Москва: Интерпракс, 1994. 416 с.

рующемся режиме личной власти В.В. Путина и мнение о современной России как полицейском государстве⁵⁵⁸.

В середине 2000-х гг. государство инициировало разработку новых учебных изданий по истории России XX в. В 2007 г. в российском обществе развернулась бурная дискуссия по поводу книги для учителя, а в дальнейшем – новых учебников, вышедших в издательстве «Просвещение»⁵⁵⁹. Инициаторы, идеологи данных изданий, обеспокоенные падением патриотических чувств молодежи, активно защищали тезис о том, что история российского государства должна вызывать чувство гордости за страну, а не пренебрежение и неуважение к ней. В предисловии к одному из учебников, авторы заявили о своем стремлении «...передать... читателям... любовь к своей стране, ее истории, людям, лучшим представителям нашего народа», показать «путь Советского Союза от его величайшего исторического триумфа до трагического распада», чтобы школьники могли «осознавать и понимать, в каком мире и в какой стране мы... живем»⁵⁶⁰. На состоявшейся встрече с педагогами президент России В.В. Путин заметил, что «на преподавателей ложится не самая простая задача – они должны не только передать ученикам историю, но и сами понимать роль России и существующую политическую ситуацию»⁵⁶¹. Для продвижения новых учебников был использован административный ресурс, однако данные издания не получили необходимого признания.

В 2013 г. В.В. Путин вновь вернулся к проблеме школьного учебника. На заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля он высказал мысль о том, что «стоит подумать о единых учебниках истории России для средней

⁵⁵⁸ *Долуцкий И.И.* Отечественная история. XX в.: учебник для 10–11 кл. общеобразов. учреждений. В 2 ч. Ч. 2. Москва: Мнемозина, 2002. С. 193.

⁵⁵⁹ См.: *Филиппов А.В.* Новейшая история России, 1945–2006 гг.: кн. для учителя. Москва: Просвещение, 2007. 494 с.; *Уткин А.И.* и др. История России, 1945–2007 гг. 11 кл.: учебник для учащихся общеобразов. учреждений / А.И. Уткин, А.В. Филиппов, С.В. Алексеев и др.; под ред. А.А. Данилова и др. Москва: Просвещение, 2008. 367 с.

⁵⁶⁰ *Уткин А.И. и др.* Москва, 2008. С. 5.

⁵⁶¹ *Кузьмин В.* Мыслить без штампов // Российская газета. 2007. 22 июня.

школы, рассчитанных на разные возрасты»⁵⁶². Как отмечает В.В. Вяземский, выступление президента на этом заседании «обозначило политический курс государства в отношении учебников истории, а в более широком плане – в области исторического образования в контексте государственной политики»⁵⁶³.

Последующие выступления, встречи с учеными и педагогической общественностью позволяют выделить основные позиции президента в отношении новых учебников, которые: 1) должны строиться в рамках единой концепции, в рамках единой логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов; 2) должны показывать на конкретных примерах, что «судьба России создавалась единением разных народов, традиций и культур»; закладывать основы национальной идентичности, культурно-исторического кода; 3) призваны способствовать формированию чувства уважения ко всем страницам прошлого, пониманию того, что самые драматические, неоднозначные события – это неотъемлемая часть этого прошлого; 4) не предполагают казенного, официозного, идеологизированного единомыслия; 5) должны быть написаны хорошим русским языком и не иметь внутренних противоречий и двойных толкований⁵⁶⁴.

Большинство из представленных позиций были встречены российским обществом с пониманием. Вместе с тем, озабоченность вызвало само определение «единый учебник истории». Слово «единый» в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяется как «один, общий, объединенный» или «один, только один»⁵⁶⁵. После долгих споров о «едином учебнике» ученые, педагоги, общественники до-

⁵⁶² Заседание Совета по межнациональным отношениям, 19.02.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17536>

⁵⁶³ Вяземский Е.Е. Историко-культурный стандарт, единый учебник истории и школьное историческое образование // Преподавание истории в школе. 2013. № 9. С. 3.

⁵⁶⁴ См.: Заседание Совета по межнациональным отношениям, 19.02.2013; Обсуждение историко-культурного стандарта по созданию нового учебника российской истории. URL: <http://histrf.ru/ru/uchenim/otkrito-obsuzhdenie/post-105>

⁵⁶⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеолог. выражений / РАН; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: АЗЪ, 1994. С. 182.

говорились о нескольких «линейках» (вариантах) учебников, в основу которых лег новый документ – Историко-культурный стандарт (ИКС), разработанный учеными Российской академии наук и представителями двух общественных объединений – Российского исторического и Военно-исторического обществ. Академик РАН, тогда директор Института всеобщей истории, доктор исторических наук А.О. Чубарьян, возглавивший эту работу, в многочисленных интервью отмечал следующее: «история как один из важнейших гуманитарных предметов должна играть воспитательную роль, но это не означает, что в исторической науке необходимо добиваться единообразия оценок всех событий»; «уважение к истории как патриотический элемент, который присутствует у всех народов, не исключает оценки и понимания ошибок, трудностей, преступлений. Гордиться своей страной не означает забвения и умолчания о тех периодах, которые оставили горький след в истории нашего государства»⁵⁶⁶.

В 2013 г. Историко-культурный стандарт был утвержден Советом Российского исторического общества и стал ориентиром для авторов учебников. В 2020 г. его легитимизировали на коллегии Министерства просвещения РФ⁵⁶⁷. В документе подчеркивается исключительная роль предмета «История» в образовании и воспитании молодого поколения, формировании российской гражданской идентичности и патриотизма, приобщении к исторической памяти многих поколений россиян. В выступлениях авторов Историко-культурного стандарта подчеркивалось, что принципиально важным на современном этапе исторического образования является развитие у обучающихся навыков критического, системного мышления, позволяющих избавляться от сложившихся стереотипов, отличать историческую правду от мифологии, более объективно оценивать прошлое. В 2016 г. Министерством образования и науки РФ были утверждены

⁵⁶⁶ См.: Новоселова Е. Наше школьное прошлое // Российская газета. 2013. 21 февр.; Чубарьян А. Навстречу новому учебнику // Родина. 2013. № 7. С. 56 и др.

⁵⁶⁷ Историко-культурный стандарт утвержден на расширенном заседании Совета Российского исторического общества 30 октября 2013 г.; Историко-культурный стандарт утвержден решением коллегии Министерства просвещения РФ 23 октября 2020 г. № ПК 1-вн.

три «линейки» учебников (издательства «Дрофа», «Просвещение», «Русское слово»).

«Священные» и «неприкосновенные», актуальные с точки зрения воспитания подрастающего поколения темы, в учебниках 1990–2010-х гг. стали дискуссионными, наполнились новым содержанием, некоторые события и персоны получили нелицеприятные оценки. Ограниченность объема публикации позволяет остановиться лишь на некоторых темах, однако даже на их примере можно проиллюстрировать, как менялись приоритеты исторической политики советского (российского) государства в течение 1930-х – 2010-х гг.

От Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций к Великой российской революции

Отправной точкой советской истории был Октябрь 1917 г., в отношении которого на протяжении многих десятилетий употреблялось понятие «Великая Октябрьская социалистическая революция». Доминантой в процессе воспитания было «чувство революционной национальной гордости» за русский народ, первым совершившим социалистическую революцию, которая «разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплуатации», повлекла за собой мировой революционный процесс, и за достижения этой революции⁵⁶⁸. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938) И.В. Сталин сформулировал все основные постулаты, вошедшие в дальнейшем в советские учебники: Февральская революция победила, «потому что рабочий класс был застрельщиком революции и возглавил движение миллионных масс крестьян, переодетых в солдатские шинели, – за мир, за хлеб, за свободу»; русская буржуазия, пришедшая к власти

⁵⁶⁸ Сталин И.В. Послание Демьяну Бедному // «Счастье литературы»: государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. Москва: РОССПЭН, 1997. С. 90–91; Сталин И.В., Киров С.М., Жданов А.А. Замечания о конспекте учебника новой истории, 09.08.1934 // Правда. 1936. 27 янв.; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянск. гос. ун-та им. И.Г. Петровского, 2005. С. 184–185.

после свержения царя, «не сумела придумать ничего лучшего, как продолжить во всем остальном политику ненавистного царя» (Временное правительство не хотело и не могло «дать ни мира, ни земли, ни хлеба»); «меньшевики и эсеры разоблачили себя, как агентов империалистической буржуазии и лишили себя тем самым влияния в народе»; Троцкий и его некоторые близкие друзья «вошли в партию не для работы в пользу партии, а для того, чтобы расшатывать ее и взорвать изнутри»; «капитулянты» Зиновьев и Каменев раскрыли план восстания и это «была измена»; «Не будь такого, заслужившего доверие народа, вождя революции, как рабочий класс России, не было бы и союза рабочих и крестьян, а без такого союза не могла бы победить Октябрьская революция», события Февраля стали прологом Октября 1917 г., Октябрьская социалистическая революция «открыла новую эру в истории человечества – эру пролетарских революций»⁵⁶⁹.

Во всех советских учебниках присутствовал раздел о всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции, которое заключалось в коренном повороте от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому, расколе мира на две противоположные системы – систему гибнущего капитализма и систему побеждающего и растущего социализма, в разрушении до основания старого государственного аппарата эксплуататорских классов и создании советов как государственной формы диктатуры пролетариата, в примере для угнетенных народов в борьбе за освобождение, создании базы мировой пролетарской революции в лице Советского государства, в триумфе марксистско-ленинской теории, подтверждающей учение Ленина о возможности победы социализма в одной стране⁵⁷⁰. Негативными последствиями революции называлась только Гражданская война, развязанная врагами советской власти в лице «бывших» и иностранных капиталистов.

⁵⁶⁹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)... С. 169–170, 174, 190, 197, 202, 203, 204, 214.

⁵⁷⁰ *Базилевич К.В. и др. История СССР: учебник для 10 кл. сред. шк. / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт; под ред. А.М. Панкратовой. Москва: Учпедгиз, 1941. С. 199.*

Либеральные веяния 1990-х гг. изменили отношение к Октябрьской революции. Раздел о ее всемирно-историческом значении «ушел» из учебников 1990-х – 2010-х гг. гг., само понятие «Великая Октябрьская социалистическая революция» также кануло в Лету. На страницах школьных учебников появились альтернативные советским взгляды. В обобщенном виде они представлены в учебнике под редакцией А.В. Филиппова (2009): события Октября 1917 г. – это Великая Октябрьская революция, открывшая эпоху перехода от капитализма к социализму (коммунизму) во всем мире; военный переворот с опорой на революционную часть армии и флота; заговор – захват власти кучкой большевистских лидеров, которые навязали стране трагический путь развития страны; анархический бунт, разрушительная революция люмпенов, которая отбросила страну далеко назад; антимодернизационный шаг, прервавший длинную и трудную дорогу создания рыночной экономики, правового государства и гражданского общества в России; двухфазовое явление, в рамках которого первоначально произошел захват власти большевиками (переворот), за которым последовала подлинная революция (изменение политического режима, социальной структуры общества, преобразование хозяйственного уклада, отношений собственности, духовной атмосферы)⁵⁷¹. В большинстве приведенных формулировок приход к власти большевиков трактуется как событие, отбросившее Россию на много лет назад.

Оценивая позитивные последствия Октября 1917 г., авторы учебников 2000-х гг. отмечали ликвидацию сословного неравенства; уравнивание в правах женщин и мужчин; удовлетворение вековых чаяний многомиллионных масс трудового крестьянства (декрет о земле) и рабочих (8-часовой рабочий день, социальная защита и т. д.); плюсы «культурной революции». Вместе с тем, негативных моментов ими выделено гораздо больше: подмена советами институтов парламентского типа; ущемление политических прав большей части населения страны; создание однопартийной системы, при которой правящая партия находилась вне контроля общества; учреж-

⁵⁷¹ Данилов А.А. и др. История России. 1900–1945 / А.А. Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинов и др.; под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. Москва: Просвещение, 2009. С. 148, 149.

дение карательных органов; гражданская война, последовавшая в результате политики экспроприации экспроприаторов и др.

В конце 2000-х гг. в учебниках истории России появилось новое понятие «Великая российская революция», которое А.А. Левандовский и его соавторы (2009) определяли как бурные события 1917 г., состоящие из двух периодов: февральского, приведшего к леворадикальной диктатуре, и октябрьского, перевернувшего социально-экономические, политические, культурные устои России и оказавшего влияние на весь мир⁵⁷². А.А. Данилов и его коллеги (2009) рассматривали Великую Российскую революцию как закономерное продолжение российской истории с целью устранения внутренних и внешних препятствий для дальнейшего исторического развития России и удлиняли ее хронологические рамки до марта 1921 г. (введение НЭПа)⁵⁷³.

В Историко-культурном стандарте (вариант 2020 г.) это понятие зафиксировано с хронологическими рамками 1917–1922 г. Авторы этого документа выделяют три основные этапа Великой российской революции: Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война, то есть по отношению к событиям октября 1917 г. возвращается понятие «революция».

Значительно изменилось и отношение авторов к таким историческим персонам, как В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Если в советских учебниках В.И. Ленин был представлен как человек, «сделавший гениальное открытие, обогатившее марксистскую теорию», «гений революции», «великий человек», «великий вождь революции», «любимый вождь», имеющий выдающийся организаторский талант, знающий военное дело и др., то в учебных изданиях конца 1990-х – 2010-х гг. он характеризуется как «изощенный политик», человек «с железной волей»⁵⁷⁴, который «имел довольно умозрительные, абстракт-

⁵⁷² Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России, XX – начало XXI века. 11 кл.: учебник для общеобразов. учреждений: базовый уровень. 3-е изд. Москва: Просвещение, 2009. С. 91.

⁵⁷³ Данилов А.А. и др. Москва, 2009. С. 112.

⁵⁷⁴ Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 кл.: учебник для общеобразов. учеб. заведений. Москва: Дрофа,

ные представления о социализме и методах его утверждения в обществе»⁵⁷⁵, который для своих целей «воспользовался помощью германского правительства и которым германские власти «воспользовались... для своих целей»⁵⁷⁶.

Л.Д. Троцкий, упоминаемый в учебниках 1937 – середины 1950-х гг. только с эпитетами «враг революции», «скрытый враг революции», «предатель»⁵⁷⁷, тормозивший ход вооруженного восстания⁵⁷⁸, в учебниках эпохи Перестройки представлен в образе человека, который поддерживал ленинскую установку на необходимость взятия власти большевиками как «злобу дня», не возражал против вооруженного восстания, его подготовки и участвовал в нем⁵⁷⁹. В 2000-е гг. характеристики Троцкого стали еще более привлекательными. А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов (2001) подчеркивали роль Петросовета и лично Л.Д. Троцкого в создании Военно-Революционного Комитета, направившего своих полномочных комиссаров во все воинские части Петроградского гарнизона и тем самым фактически лишившего власти Временное правительство, называли Троцкого в числе «видных большевиков», вошедших в состав Совета народных комиссаров⁵⁸⁰. Развернутую и блестящую характеристику Л.Д. Троцкому дали Н.В. Загладин с соавторами (2006), выделяя его в качестве одного из самых ярких ораторов русской революции, выдающегося организатора, публициста и поле-

1998. С. 134, 142.

⁵⁷⁵ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке: учебник для 10–11 кл. общеобразов. учреждений. 5-е изд. Москва: Просвещение, 2001. С. 97.

⁵⁷⁶ Шестаков В.А. История России, XX – начало XXI века. 11 кл.: учебник для общеобразов. организаций: профил. уровень / под ред. А.Н. Сахарова. 6-е изд. Москва: Просвещение, 2013. С. 79.

⁵⁷⁷ Базилевич К.В. и др. Москва, 1941. С. 153, 168; Шестаков А.В. История СССР: краткий курс / под ред. А.В. Шестакова. Москва: Учпедгиз, 1950. С. 198–199.

⁵⁷⁸ Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР: учебник для 9 кл. / под ред. М.П. Кима. Москва: Просвещение, 1976. С. 165.

⁵⁷⁹ Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С. История СССР: учебник для 10 кл. сред. шк. / под ред. Ю.И. Кораблева. Москва: Просвещение, 1989. С. 125, 135, 139.

⁵⁸⁰ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Москва, 2001. С. 114, 115.

миста, чрезвычайно популярного в годы Гражданской войны, автора теории перманентной революции, человека, который «непосредственно руководил восстанием и захватом власти в столице 24–26 октября 1917 г.»⁵⁸¹. Эту же мысль подчеркивают О.В. Волобуев и его коллеги (2017), которые констатируют, что Троцкий играл «наиболее видную организующую роль в подготовке восстания»⁵⁸². Коллектив авторов под руководством А.В. Торкунова (2016) сообщает обучающимся и тот факт, что Троцкий «в 1905 г. уже был фактическим главой Петербургского Совета рабочих депутатов», тем самым подчеркивая его значимость в революционных событиях не только 1917 г., но и 1905–1907 гг.⁵⁸³ В.А. Шестаков (2013) сообщает об инициативе Троцкого включить в состав СНК представителей партии левых эсеров⁵⁸⁴, показывая его как человека, склонного к компромиссам.

Оппозиционеры, «штрейхбрехеры» (предатели), «скрытые враги революции» Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, выступившие против вооруженного восстания в октябре 1917 г.⁵⁸⁵, в учебниках нового времени превратились в «умеренных большевиков», стремившихся к парламентскому, мирному, пути развития России. Так, А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов (2001), разъясняя позицию Зиновьева и Каменева, при-

⁵⁸¹ Загладин Н.В. и др. История Отечества. XX – начало XXI в.: учебник для 11 кл. общеобразов. учреждений / Н.В. Загладин, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, Ю.А. Петров. 4-е изд. Москва: ТИД «Русское слово – РС», 2006. С. 105.

⁵⁸² Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник. 2-е изд., стереотип. Москва: Дрофа, 2017. С. 44.

⁵⁸³ Горинов М.М. и др. История России. 10 кл.: учеб. для общеобразов. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. Москва: Просвещение, 2016. С. 39.

⁵⁸⁴ Шестаков В.А. Москва, 2013. С. 94.

⁵⁸⁵ Базилевич К.В. и др. Москва, 1941. С. 153, 163, 166; Шестаков А.В. Москва, 1950. С. 194; Базилевич К.В. и др. История СССР: учебник для 10 кл. сред. шк. / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт; под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 22-е. Москва: Учпедгиз, 1963. С. 86, 98, 123; Берхин И.Б., Федосов И.А. Москва, 1976. С. 206, 165; Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С. Москва, 1989. С. 105, 126, 127, 136.

водили достаточное количество их аргументов против вооруженного восстания: отсутствие «роста революции в Европе», недостаточная популярность большевиков в народе, шансы получить около трети мест в Учредительном собрании и возможность играть там «роль сильной оппозиции» и др.⁵⁸⁶ Н.В. Загладин и его коллеги (2006) акцентировали внимание на том, что «поддержать Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева, исходивших из идеи о неготовности России к социалистической революции», было склонно большинство ЦК⁵⁸⁷. В.А. Шестаков (2013) отмечал, что аргументами Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева были серьезные сомнения «в степени популярности партии в народе... надежды на Демократическое совещание, создание блока из меньшевиков, эсеров и большевиков для проведения коренных реформ»⁵⁸⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, заклеянные в советских учебниках как «предатели» и «враги» революции, в учебниках постсоветского периода в определенной мере реабилитированы и показаны как «видные революционеры», «известные большевики», люди со своей позицией, аргументированной точкой зрения на происходящие события, как активные участники революционных событий 1917 г.

В целом же можно констатировать, что в учебниках 2000–2010-х гг. обозначены принципиально новые подходы к революционным событиям 1917 г.: Февраль и Октябрь 1917 г. связаны друг с другом не как «пролог» и «кульминация», а как равные друг другу по значимости события; движущей силой революционных событий 1917 г. являлись многие политические силы и социальные группы, а не только большевики и пролетариат; причинами революционных событий Февраля 1917 г. в целом стали не столько Первая мировая война, сколько противоречия в развитии страны (опасное отставание от индустриально развитых стран в области технологий, науки, производительности труда, армии и др.; сохранение традиционных институтов и отношений), дезинтеграция российского общества; революционные события 1917 г. необходимо рассматривать не как крупнейший исторический катаклизм, повлиявший на весь мир, а как событие, давшее

⁵⁸⁶ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Москва, 2001. С. 113.

⁵⁸⁷ Загладин Н.В. и др. Москва, 2006. С. 105.

⁵⁸⁸ Шестаков В.А. Москва, 2013. С. 90, 91.

во многом непредсказуемый результат; нельзя рассматривать события 1917 г. как поступательно однолинейный процесс, нужно видеть его сложности, противоречивость, непредсказуемость (во многом стихийность).

Брестский мир: от вынужденного до «предательского»

Рассматривая проблему Брестского мира, первые советские авторы подчеркивали его вынужденный характер («Нужна была передышка, чтобы окрепнуть, накопить силы»)⁵⁸⁹ и в обязательном порядке сообщали школьникам, что договор с Германией был грабительским по вине «предателя Троцкого и его сподручного Бухарина, который всячески старался сорвать заключение Брестского мира»⁵⁹⁰. В учебнике 1970-х гг. в отношении этих лиц присутствуют более мягкие формулировки: «Часть коммунистов во главе с Бухариным (они называли себя «левыми коммунистами») решительно возражала против позиции Ленина... Троцкий... выдвинул крайне опасное предложение: «Ни мира, ни войны, а армию распустить»⁵⁹¹.

Мнение Ленина о необходимости скорейшего заключения мира в советских учебниках подавалось как единственно верное, не подвергалось сомнению и никак не связывалось с его тяжелейшими условиями. В учебнике Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной (1992) уже говорилось о том, что Ленин сам «предложил главе делегации в Бресте Троцкому всячески затягивать переговоры»⁵⁹², А.А. Данилов и Л.Г. Косулина (1995) писали, что гигантские материальные потери по условиям Брестского мира «спровоцировали введение чрезвычайных мер в экономике»⁵⁹³,

⁵⁸⁹ Минц И.И., Карев Д.С. История СССР: учеб. пособие для 8 кл. Москва: Учпедгиз, 1962. С. 87.

⁵⁹⁰ Шестаков А.В. История СССР: краткий курс / под ред. А.В. Шестакова. Москва: Учпедгиз, 1937. С. 166; Шестаков А.В. Москва, 1950. С. 166.

⁵⁹¹ Берхин И.Б., Федосов И.А. Москва, 1976. С. 187.

⁵⁹² Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества, 1900–1940 гг.: учеб. кн. для ст. кл. сред. учеб. заведений. Москва: Просвещение, 1992. С. 193.

⁵⁹³ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX в.: учеб.

Н.В. Загладин и его коллеги впервые озвучили сумму контрибуции с России не в золотых марках (6 млрд), а в тоннах золота (450 тонн)⁵⁹⁴. О.В. Волобуев и его соавторы (2017) отмечают, что «тяжелые условия мира обострили ситуацию внутри страны – многие стали смотреть на большевиков как на предателей национальных интересов»⁵⁹⁵, В.А. Никонов и С.В. Девятков утверждают, что «по степени унижения Брестский мир не имел аналогов в отечественной истории»⁵⁹⁶. Таким образом, в современных учебниках истории Брестский мир рассматривается в нескольких аспектах, но в целом прослеживается осуждение решения В.И. Ленина о его заключении.

Гражданская война: от войны «белых» и «красных» к «величайшей трагедии»

Гражданская война в России – еще одно событие, на протяжении многих лет освещаемое в учебниках с позиции победителя – большевиков. Официальный взгляд на причины, ход, последствия, участников в течение нескольких десятилетий был представлен набором устоявшихся оценок: «красные» – хорошие, «белые» – плохие; виновники войны – все «бывшие», а также иностранные интервенты; красный террор – это ответ на белый террор; политика военного коммунизма – вынужденная; причины победы большевиков – полная поддержка рабочих и крестьян; итог Гражданской войны – победа большевиков. Даже на излете Перестройки в учебнике под редакцией Ю.И. Кораблева (1989) подчеркивалось, что эта «несправедливая, реакционная» война была навязана «советскому народу... со стороны классовых врагов Советской власти» и что жестокие меры большевиков против внутренней и внешней контрреволюции были «только ответом на самые зверские, кровавые мятежи, заговоры, насилия буржуазии, помещиков, кулаков, белогвардейского

кн. для 9 кл. общеобразов. учреждений. Москва: Просвещение, 1995. С. 100.

⁵⁹⁴ Загладин Н.В. и др. Москва, 2006. С. 112.

⁵⁹⁵ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. Москва, 2017. С. 59.

⁵⁹⁶ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в. В 2 ч. Ч. 1. Москва, 2019. С. 64.

офицерства»⁵⁹⁷. Ни в одном из советских учебников не поднималась проблема ответственности большевиков наряду с другими политическими силами за разразившуюся братоубийственную войну.

В 1990-е гг. произошел пересмотр оценок Гражданской войны. Так, в учебнике Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной (1992) отмечалось, что Гражданская война в советской России была более сложным явлением, нежели «противоречие между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками. Она включала в себя борьбу социалистических, анархических, буржуазно-демократических, реакционно-монархических сил, центробежных и центростремительных тенденций, национальных и политических линий»⁵⁹⁸. Эти же авторы подчеркивали, что «противопоставление классовых ценностей общечеловеческим, признание человеческой жизни классовой привилегией, деление мира на красный и белый, а людей – на «наших» и «чужих» не могло не вылиться в принцип «товарища маузера»⁵⁹⁹, то есть обозначали большевиков в качестве основных виновников Гражданской войны. А.А. Данилов и Л.Г. Косулина (1995) также напрямую связывали эту войну с действиями большевиков: «Захват власти... означал собой переход гражданского противостояния в новую, вооруженную фазу – гражданскую войну»⁶⁰⁰. Не такое прямолинейное мнение присутствует в учебнике Н.В. Загладина, С.И. Козленко и других авторов (2003), которые пишут, что Гражданская война «стала результатом столкновения сил с различными интересами – сторонников и противников советской власти, неодинаково видевших пути решения проблем социально-экономического и политического развития страны, обострившихся с начала XX в. Взаимная нетерпимость, неготовность к диалогу, нежелание искать компромиссные решения привели к величайшей трагедии в российской истории, унесшей жизни более 13 млн человек»⁶⁰¹.

⁵⁹⁷ *Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С.* Москва, 1989. С. 196, 197.

⁵⁹⁸ *Жарова Л.Н., Мишина И.А.* Москва, 1992. С. 200.

⁵⁹⁹ Там же. С. 203.

⁶⁰⁰ *Данилов А.А., Косулина Л.Г.* Москва, 1995. С. 105.

⁶⁰¹ *Загладин Н.В. и др.* Москва, 2006. С. 114.

Мнения авторов учебников последних лет более категоричны. Так, О.В. Волобуев, С.П. Карпачев и П.Н. Романов (2017) акцентируют внимание читателя на целенаправленной политике жестокости большевиков, насильственном насаждении нового режима, цитируя матроса А.Г. Железнякова («Если нам придется расстрелять десять тысяч человек, мы перед этим не остановимся, как не остановимся и тогда, когда придется расстрелять целый миллион людей»⁶⁰²) и В.И. Ленина (выступление на VII съезде РСДРП(б) в марте 1918 г.: «То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны (мировой. – И.О.) именно превращение империалистической войны в гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом»⁶⁰³). Вместе с тем, в их труде не цитируются высказывания лидеров белого движения, не дается оценка действий иностранных интервентов, характеризующих их как носителей насилия. В советских учебниках такие цитаты можно было найти. К примеру, в учебнике Ю.И. Кораблева (1989) цитируется У. Черчилль: «Находились ли союзники (государства Антанты. – И.О.) в состоянии войны с Советской Россией? Конечно, нет. Но они стреляли в советских людей, как только те попадались им на глаза. Они находились на русской земле как завоеватели. Они вооружали врагов Советского правительства»⁶⁰⁴. В учебнике Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной (1992) приводятся слова генерала П.Н. Краснова: «Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать»⁶⁰⁵.

Авторский коллектив под руководством А.В. Торкунова (2016) в разделе о причинах Гражданской войны вскользь упоминает о сопротивлении тех групп общества, которые потеряли власть и право на собственность, и очень подробно характеризуют политику большевиков: стремление удержать власть любым путем, игнорирование норм демократии, разгон Учредительного собрания, установление однопартийной диктатуры, что способствовало переходу меньшевиков и эсеров к вооруженным методам борьбы, Брестский мир и чрез-

⁶⁰² Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. Москва, 2017. С. 51.

⁶⁰³ Там же. С. 63.

⁶⁰⁴ Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С. Москва, 1989. С. 196.

⁶⁰⁵ Жарова Л.Н., Мишина И.А. Москва, 1992. С. 211–212.

вычайная политика в деревне весной – летом 1918 г.⁶⁰⁶ Можно констатировать, что авторы двух названных современных учебников значительно сместили акцент в сторону вины большевиков за разразившуюся в стране Гражданскую войну.

Более взвешенное мнение представлено в учебнике В.А. Никонова и С.В. Девятова (2019). Они пишут, что «трагедия Гражданской войны и ее жестокость объяснялись тем, что все стороны решали вопросы физического выживания»⁶⁰⁷. Они же отмечают, что прямое вмешательство держав Антанты в российские дела, в том числе приказ белочехам остаться в России для создания антигерманского Восточного фронта и для поддержки планов свержения советской власти, во многом спровоцировало Гражданскую войну⁶⁰⁸. В учебнике этих авторов присутствует и вывод о том, что «большевизм вряд ли мог удержаться у власти почти три четверти века, если бы был навязан исключительно насильственными методами. Он в немалой степени был созвучен общественным настроениям, ожиданиям населения России»⁶⁰⁹.

***От России – «тюрьмы народов» – к Союзу
братских социалистических республик
и депортированным народам***

Особое внимание в учебниках советской эпохи уделялось национальному вопросу. Российская империя, в соответствии со статьей В.И. Ленина «К вопросу о национальной политике (проект речи для депутата IV Государственной Думы Г.И. Петровского» (1914)», представлялась как «тюрьма народов»⁶¹⁰. Это видно из названий параграфов («Подчинение народов Восточной Сибири», «Захваты новых земель и порабощение народов Екатериной II», «Завоевание Кавказа», «Борьба поляков за независимость»)⁶¹¹ и отдельных

⁶⁰⁶ Горинов М.М. и др. Ч. 1. Москва, 2016. С. 58.

⁶⁰⁷ Никонов В.А., Девятов С.В. Ч. 1. Москва, 2019. С. 71.

⁶⁰⁸ Там же. С. 73, 75.

⁶⁰⁹ Там же. С. 81.

⁶¹⁰ Ленин В.И. К вопросу о национальной политике (проект речи для депутата IV Государственной Думы Г.И. Петровского) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1969. Т. 25. С. 66. 64–72.

⁶¹¹ Шестаков А.В. Москва, 1937. С. 53, 72, 89, 100.

выводов и сюжетов: «власть царского правительства легла тяжелым игом на покоренные народы Сибири», «...ограбленные башкиры не раз поднимали восстания. Восстания подавлялись. В одном только 1740 году было замучено и роздано в собственность дворянам до 30 тысяч восставших башкир», к концу XVIII в. «к многочисленным народам, изнывавшим под властью царизма, прибавились новые: поляки, крымские татары, азербайджанские турки, казахи», «жестоко притесняемые грузинские крестьяне не раз поднимали восстания против своих помещиков и царских чиновников», «после подавления восстания царское правительство сослало в Сибирь десятки тысяч поляков», «народы Средней Азии отданы были в полную власть царских генералов, дворян и капиталистов», «угнетенные народы всюду боролись против ненавистного царского правительства», «избирательных прав в думу (II-ю. – И. О.) были лишены все народы Сибири и Средней Азии, урезаны права народов Кавказа и Польши»⁶¹².

Совершенно по-другому, как писали авторы советских учебников, складывалась судьба этих народов в составе Советской России и СССР: «народы России получили... полное освобождение, какого не имел ни один народ мира», «Народы СССР зажили дружной семьей. Много народностей, при царизме вымиравших, забитых, неграмотных, теперь ожили и начали в братском союзе народов строить социализм. Развитие национальной культуры пошло быстрыми шагами вперед во всех республиках... Культура народов пышно расцвела», «нигде в мире не было такой дружбы, взаимного доверия народов к другу, как в СССР»⁶¹³, «Россия перестала быть тюрьмой народов. Все народы в стране стали свободными»⁶¹⁴.

Такой взгляд на национальный вопрос в СССР транслировался во всех учебных изданиях советского времени. Кроме того, в обязательном порядке в них присутствовали разделы о национальной культуре народов СССР, в которых констатировалось, что культура советской страны, «богатейшая по разнообразию своих форм, создавалась как единая социалистическая культура всех народов СССР»⁶¹⁵, что при царизме в Татарии было всего 70 русских земских школ и ни одной

⁶¹² Там же. С. 56, 69, 74, 79, 101, 102, 134, 136.

⁶¹³ Там же. С. 163, 190, 210.

⁶¹⁴ Минц И.И., Карев Д.С. Москва, 1962. С. 80.

⁶¹⁵ Базилевич К.В. и др. Москва, 1963. С. 241.

татарской (за исключением религиозных мусульманских)», но «уже в 1924 г. Татарская республика открыла 1700 школ первой ступени на татарском языке»⁶¹⁶, что более 40 народов впервые получили национальную письменность⁶¹⁷. В обязательном порядке в разделе о культуре назывались имена народных поэтов Джамбула Джамбаева (Казахстан), Сулеймана Стальского (Дагестан), Павла Тычины (Украина), Янки Купалы (Белоруссия), Акопа Акопяна (Армения), композиторов Азеира Гаджибекова (Азербайджан), Александра Спендиарова (Армения), Захария Павлиашвили (Грузия) и др.⁶¹⁸ С конца 1980-х гг. сюжет о национальных культурах народов СССР в школьных учебника не встречается.

Ни в одном советском учебнике нельзя было найти материал о ликвидации Республики немцев Поволжья, о коллаборационизме и депортации народов Крыма, Кавказа в годы Великой Отечественной войны, о действиях украинских националистов и прибалтийских «лесных братьев» в 1940-е – 1950-е гг., о территориальных спорах между республиками СССР (к примеру, между Армянской ССР и Азербайджанской ССР по поводу Нагорного Карабаха). Эти страницы истории были преданы забвению и начали озвучиваться только в учебниках конца 1980-х – 2000-х гг. Логика советской власти была понятна: не хотелось афишировать проблемы, существующие в реализации национальной политики, хотелось сгладить острые углы взаимоотношений различных народов, показать СССР как образцовую многонациональную страну.

Впервые проблема взаимоотношений отдельных наций была поднята в учебнике под редакцией Ю.И. Кораблева (1989), в котором отмечалось, что в советское время границы между отдельными административными районами «проводились порой без тщательной научно-исторической

⁶¹⁶ *Базилевич К.В. и др. История СССР: учебник для 10 кл. сред. шк. / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт; под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 7-е. Москва: Учпедгиз, 1948. С. 299.*

⁶¹⁷ *Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С. Москва, 1989. С. 285.*

⁶¹⁸ *Базилевич К.В. и др. Москва, 1948. С. 359, 360, 361; Базилевич К.В. и др. Москва, 1963. С. 241, 242, 243; Берхин И.Б., Федосов И.А. Москва, 1976. С. 361–362.*

и социологической проработки, а также без выяснения мнения населения демократическим путем. Это закладывало семена духовного обособления даже там (Средняя Азия, Северный Кавказ и др. районы), где имелись давние традиции культурно-исторического единства»⁶¹⁹. А.А. Данилов и Л.Г. Косулина (1995) уже писали о репрессиях периода коллективизации в отношении населения Западной Украины, Прибалтики, депортациях немцев Поволжья, крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев в годы Великой Отечественной войны, начавшейся после войны ревизии истории национальных отношений, «в ходе которой любые национальные движения рассматривались как реакционные и вредные», а национальный эпос мусульманских народов как «клерикальный и антинародный», о размахе национальной нетерпимости в отношении представителей еврейской нации и т. д.⁶²⁰

Авторы учебников 2000–2010-х гг. также не обошли вниманием эту сложную тему. В учебных изданиях появился материал о национальных коллаборантских соединениях в годы Великой Отечественной войны – литовской, латышской, эстонской, украинской («Галичина»⁶²¹) эсесовских дивизиях, пехотной дивизии из тюркских народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии, о создании ОУН-УПА⁶²², бойцы которой присягали Гитлеру и отличались особой жестокостью и «которых героизируют в современной Украине»⁶²³. За преступления националистов были наказаны целые народы, отправленные в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию⁶²⁴, что, по мнению авторов учебников, «несправедливо»⁶²⁵.

Одновременно с этим авторы учебных изданий ввели в оборот сюжет о политике «коренизации». В.А. Никонов и С.В. Девятков (2019) определяют ее как политику поддерж-

⁶¹⁹ Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С. Москва, 1989. С. 270.

⁶²⁰ Данилов А.А., Косулина Л.Г. Москва, 1995. С. 262.

⁶²¹ Запрещенная в России экстремистская организация.

⁶²² Запрещенная в России экстремистская организация.

⁶²³ Никонов В.А., Девятков С.В. Ч. 1. Москва, 2019. С. 237, 238.

⁶²⁴ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. Москва, 2017. С. 182.

⁶²⁵ Никонов В.А., Девятков С.В. Ч. 1. Москва, 2019. С. 238.

ки коренных народов в 1920 – середине 1930-х гг. (получение образования, занятие ответственных должностей в органах власти, поддержка культуры и искусств, развитие средств массовой информации на национальных языках, разработка письменности для народов, ее не имевших)⁶²⁶. В учебнике под редакцией А.В. Торкунова (2016) успехам «коренизации» посвящены две страницы текста, но одновременно сделан актуальный с точки зрения сегодняшнего дня вывод о том, что эта политика «нередко оборачивалась ущемлением прав других национальностей, прежде всего русского населения», что сложилась местная национальная элита, занявшая основные управленческие должности и привилегированное положение⁶²⁷.

Перестройка и Советский Союз: от надежд на обновление до скоропалительного исчезновения

Авторы советских учебников 1930–1980-х гг. никоим образом не могли предположить, что когда-то рухнет Советский Союз. Между тем, в учебнике под редакцией Ю.С. Кукушкина (1988) в разделе «Совершенствование национальных отношений, укрепление братской дружбы наций и народностей страны» уже просматривалась некоторая тревога по поводу существующих проблем (слабая межреспубликанская научно-техническая интеграция, попытки поставить местные интересы выше общегосударственных, местничество и кумовство на местах, ослабление роли русского языка в национальных республиках) и делался вывод о том, что «рост национального самосознания, гордость за достигнутые успехи любой нации и народности страны не имеет ничего общего с национальной кичливостью и зазнайством», что задачей всех партийных и комсомольских организация является «борьба с проявлениями национальной ограниченности, национального соперничества, неуважения к людям другой национальности, воспитание советских людей в духе уважения и дружбы наций и народностей»⁶²⁸.

⁶²⁶ Там же. С. 130.

⁶²⁷ Горинов М.М. и др. Ч. 1. Москва, 2016. С. 106, 107.

⁶²⁸ Есаков В.Д., Кукушкин Ю.С., Ненароков А.П. История СССР: учебник для 10 кл. сред. шк. / под ред. Ю.С. Кукушкина. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Просвещение, 1988. С. 248, 249.

В декабре 1991 г. Советский Союз прекратил свое существование, и авторы учебников 1990-х – 2000-х гг. размышляли над причинами распада некогда мощной державы. Так, мнение о предопределенности распада СССР впервые было обозначено в учебнике Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной (1992), которые процитировали профессора П.П. Гронского, уехавшего за границу после Октября 1917 г. Он писал о том, что СССР в любой момент может исчезнуть, так как «не является ни федерацией, ни государством. Всякое государство вырастает из национального корня, а Советское государство выросло из стремления к интернациональному объединению»⁶²⁹. Эти же авторы писали о том, что «под видом федерации в 30-е гг. утверждалось жесткое централизованное государство... один конкретный пример... административно-командная система бесцеремонно вмешивалась в экономику нации (речь идет о Чечено-Ингушетии. – И.О.), не считаясь с ее спецификой, без элементарного уважения к традициям и нуждам, больно ранила национальное самосознание. Проводимая политика «слияния наций» обернулась новыми проблемами жестоких межнациональных конфликтов»⁶³⁰.

В.П. Островский и А.И. Уткин (1998) отмечали то, что «после образования СССР началось длившееся долгие годы внутреннее территориальное размежевание, создавшее во многом противоречивые административные границы», а РСФСР «сразу же стала самым крупным экономическим и финансовым донором для большинства остальных республик»⁶³¹. В.П. Дмитренко и его соавторы (1995) отмечали, что «попытки отстоять суверенные права народов в составе СССР подавлялись центральным руководством»⁶³². Одними из первых написали об СССР как об «огромной коммунистической империи» А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов (2001)⁶³³. В.А. Шестаков, М.М. Горинов, Е.Е. Вяземский (2001) акцентировали внимание на том, что

⁶²⁹ Жарова Л.Н., Мишина И.А. Москва, 1992. С. 262.

⁶³⁰ Там же. С. 299.

⁶³¹ Островский В.П., Уткин А.И. Москва, 1998. С. 200.

⁶³² Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. 11 кл.: учебное пособие для общеобразов. шк. Москва: Дрофа, 1995. С. 190.

⁶³³ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Москва, 2001. С. 190.

«в ведение Союза передавались объединенные вооруженные силы, внешняя торговля, финансы, сообщение и связь», а «под управлением органов власти республик оставались промышленность, сельское хозяйство, внутренняя торговля, культура», и делали вывод, что тем самым «под создававшийся Союз была как бы заложена мина замедленного действия»⁶³⁴. В.С. Измозик и С.Н. Рудник (2009) подчеркивали, что и в сталинском, и ленинском плане создания нового государства «обязательным являлись руководящая роль коммунистической партии и социалистическая идея как гарант единства нового государственного образования»⁶³⁵.

Авторы учебных изданий 1990-х – первой половины 2000-х гг. в целом серьезно сократили разделы о достижениях народов СССР и не показывали всю палитру жизни союзных и автономных республик в составе Советского Союза. Как и в случае с «тоталитаризмом» школьникам был представлен однобокий взгляд на феномен многонационального государства. В 2005 г., выступая с Посланием Федеральному Собранию РФ, В.В. Путин назвал крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века» и «настоящей драмой» российского народа⁶³⁶, после чего авторы учебников стали более взвешенно представлять сам СССР и политику большевиков в национальном вопросе. Так, А.И. Уткин, А.В. Филиппов, А.А. Данилов и их коллеги (2008) писали, что «Советский Союз не был демократией, но он был ориентиром и примером лучшего, справедливого общества для миллионов людей во всем мире»⁶³⁷. О.В. Волобуев и С.В. Кулешов (2008) отмечали, что вследствие вхождения в СССР «национальные окраины сделали существенный шаг в своем развитии, благодаря совместному потенциалу всех входивших в СССР республик был обеспечен экономический и культурный подъем наиболее отстающих

⁶³⁴ Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. История Отечества. XX в.: учебник для 9 кл. общеобразов. учреждений / под ред. А.Н. Сахарова. 2-е изд. Москва: Просвещение, 2001. С. 135.

⁶³⁵ Измозик В.С., Рудник С.Н. История России. 11 кл.: учебник для учащихся общеобразов. учреждений / под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. Москва: Вентана-Граф, 2009. С. 149.

⁶³⁶ Путин В.В. Избранные речи и выступления. Москва: Книж. мир, 2008. С. 272.

⁶³⁷ Уткин А.И. и др. Москва, 2008. С. 6.

от них»⁶³⁸. Сохранялись и другие мнения. Так, В.А. Шестаков (2013) утверждал, что в политике централизации власти партия большевиков «использовала тот же набор методов, что и самодержавие, – русификацию национальных культур, с одной стороны, и включение национальных элит в центральную политическую элиту – с другой»⁶³⁹.

Что касается причин распада СССР, то существует практическое единство взглядов авторов учебников 2000–2010-х гг.: одной из главных причин стал обострившийся национальный вопрос, так как при создании СССР: «новое государство было провозглашено федерацией, но по сути являлось унитарным государством»⁶⁴⁰; «коммунистический режим пошел на создание республик по этническому признаку, не предполагая, что республики когда-нибудь смогут воспользоваться своим правом на самоопределение»⁶⁴¹; «формально республики имели право выйти из состава СССР, но механизм выхода не был прописан, поскольку это не воспринималось всерьез. Столь же формально устанавливались границы республик»⁶⁴²; «руководство компартии произвольно определяло состав и границы республик, исходя из численности тех или иных национальностей, экономических причин и т.п.»⁶⁴³; «демократизация общества оказалась несовместимой с сохранением старой системы межнациональных отношений»⁶⁴⁴; «хозяйственный и культурный

⁶³⁸ Волобуев О.В., Кулешов С.В. История России, XX – начало XXI в. 11 кл.: учебник для общеобразов. учреждений (базовый уровень) / под ред. И.Н. Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Мнемозина, 2008. С. 136.

⁶³⁹ Шестаков В.А. Москва, 2013. С. 156.

⁶⁴⁰ Левандовский А.А., Шетинов Ю.А. Москва, 2001. С. 190.

⁶⁴¹ Волобуев О.В., Кулешов С.В. Москва, 2008. С. 132.

⁶⁴² Измозик В.С., Рудник С.Н. Москва, 2009. С. 149, 289.

⁶⁴³ Данилов Д.Д. и др. История России и мира (середина XIX – начало XXI в.). 11 кл.: учебник для общеобразов. учреждений (базовый и профильный уровни). В 2 кн. Кн. 1. От веры в прогресс до мировых войн. 1850–1939 / Д.Д. Данилов, В.Г. Петрович, Д.Ю. Беличенко, П.И. Селинов, В.М. Антонов, А.В. Кузнецов, Д.В. Лисейцев. Москва: Баласс, 2013. С. 271.

⁶⁴⁴ Измозик В.С., Журавлева О.Н., Рудник С.Н. История России. 1917–2008 гг. 9 кл.: учебник для общеобразов. учреждений / под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. Москва: Вентана-Граф, 2010. С. 318.

подъем республик сопровождался дальнейшим ростом национального самосознания населявших их коренных народов, стремлением к реальному утверждению собственной национальной государственности и суверенитета»⁶⁴⁵. Среди других причин распада страны называется ослабление роли Коммунистической партии («Пока общество безраздельно контролировалось единой компартией, СССР был мощным, фактически унитарным (единым) государством. Как только позиции коммунистов в обществе ослабли, Советский Союз распался»⁶⁴⁶), стремление лидеров национальных движений «объяснить экономические и социальные проблемы своих народов нахождением в составе СССР», «укрепить свое положение во власти... и возглавить процессы приватизации и формирования новой системы власти»⁶⁴⁷.

Наиболее полно в целом причины распада СССР названы в учебнике Л.Н. Алексашкиной и ее коллег (раздел «Истоки кризиса и распада СССР») (2008). К объективным причинам распада Советского Союза авторы относят: «завершение формирования в союзных республиках при помощи союзного многонационального государства основ современной промышленности и аграрного сектора; значительный прогресс населения в области образования, науки и культуры в годы существования СССР; завершение исторического процесса формирования национальных элит; возврат коренного населения к национальным традициям и ценностям в годы перестройки; ослабление, а затем и начало демонтажа союзного Центра; ослабление репрессивной практики Советского государства в годы перестройки; формирование в союзных республиках на волне демократизации эффективных национальных движений; политика Запада, не заинтересованного в сохранении второй сверхдержавы, и др.». В числе субъективных факторов авторы назвали: «особенности политической ситуации в СССР в 1985–1991 гг.; усиление борьбы за власть в руководстве

⁶⁴⁵ Левандовский А.А., Шетинов Ю.А., Мироненко С.В. Москва, 2009. С. 148.

⁶⁴⁶ Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. Москва, 2001. С. 135.

⁶⁴⁷ Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г. История. Россия и мир в XX – начале XXI в. 11 кл.: учебник для общеобразов. учреждений. 4-е изд. Москва: Просвещение, 2008. С. 327.

КПСС и СССР; амбиции, индивидуальные и групповые интересы лидеров союзных республик»⁶⁴⁸.

Авторы последних учебников имеют свой взгляд на причины распада СССР. К примеру, коллектив под руководством О.В. Волобуева (2017) считает, что конец СССР связан с августовскими событиями 1991 г.⁶⁴⁹ В учебнике М.М. Горинова и его коллег в отдельный раздел вынесена тема «Национальная политика и подъем национальных движений. Распад СССР», в котором рассмотрен кризис межнациональных отношений, демократизация и подъем национальных движений, противостояние между союзным Центром и республиками, «парад суверенитетов», возрастание роли РСФСР, новый союзный договор и августовский путч. Оценивая Беловежское соглашение, авторы учебника отметили, что оно «позволило выйти из политического тупика – ситуации, в которой союзный Центр потерял рычаги управления – и тем самым преодолеть правовую неопределенность»⁶⁵⁰. В.А. Никонов и С.В. Девятков (2019) в своем учебнике также дают ответ на вопрос о причинах распада СССР. По их мнению, это было результатом непродуманных и импульсивных реформ в сочетании с ухудшившимся положением граждан, ослаблением власти М.С. Горбачева и распадом коммунистической системы, разрядкой международных отношений и провалившейся попыткой внутренней модернизации, многолетней целенаправленной работой политических элит Запада, направленной на ослабление и дезинтеграцию СССР, разрушение СЭВ и ОВД⁶⁵¹. Ни один из авторов современных учебников не называет в качестве одной из причин распада СССР борьбу Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева за власть.

⁶⁴⁸ Там же. С. 328.

⁶⁴⁹ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. Москва, 2017. С. 298.

⁶⁵⁰ Горинов М.М. и др. История России. 10 кл.: учебник для общеобразов. организаций. В 3 ч. Ч. 3 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. Москва: Просвещение, 2016. С. 140.

⁶⁵¹ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 кл. общеобразов. организаций. Базовый и углубленный уровни. В 2 ч. Ч. 2. 1945–2016 / под науч. ред. С.П. Карпова. Москва: Русское слово – учебник, 2019. С. 112.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно сделать целый ряд выводов:

- школьные учебники являются одним из важнейших инструментов политики памяти, используемым властью во все времена; их роль в воспитании подрастающего поколения велика и никем не оспаривается;

- нельзя не отметить факт того, что в любые времена школьные учебники истории являются проводниками государственной политики, их авторы встроены в систему взаимоотношений с государством и находятся в зависимости от политического режима, от которого и зависит свобода (несвобода) автора в мнениях и оценках;

- с момента распада Советского Союза и отказа нового российского государства от идеологии начался процесс открытия «белых пятен» и переоценка многих ранее «неприкосновенных» исторических событий, процессов, личностей, что нашло отражение в исторической науке и школьных учебниках истории;

- вместе с тем, в 1990-е – первой половине 2000-х гг. произошел новый виток «отрицания»: если авторы советских учебников в черном цвете рисовали досоветскую Россию, то авторы российских учебников прежде всего акцентировали внимание на недостатках и пороках советского общества, что также искажало историческое прошлое страны;

- вмешательство государства в лице президента России В.В. Путина, выступившего инициатором создания новых, более объективных учебных изданий, в определенной мере сыграло положительную роль: в учебниках последних лет история советского периода представлена более взвешенно – с величайшими достижениями, но и с ошибками, просчетами, а порой и преступными деяниями государства;

- современные учебники позволяют школьникам мыслить диалектично, критически, понимать, что даже «постыдные» страницы отечественной истории – это неотъемлемая часть прошлого, которое нельзя изменить, но необходимо осмысливать и делать соответствующие выводы, чтобы не повторять ошибок.

IV.3. Особенности восприятия российского официального дискурса политики памяти о советском прошлом в массовом историческом сознании (по результатам качественного социологического исследования)

Проведенное в рамках гранта качественное социологическое исследование было направлено на изучение особенностей восприятия российского официального дискурса политики памяти о советском прошлом в массовом историческом сознании.

При разработке программы исследования мы концептуально исходили из необходимости различать «живую» коллективную память отдельной социальной группы и стандартизированную и объективированную культурную память общества в целом. Первая основана на личных воспоминаниях о прошлом и транслируется путем межличностной коммуникации, поэтому не может охватывать больше трех-четырех поколений (примерно 80 лет). Вторая всегда опосредована/медиатизирована, предполагает наличие институциональных мнемонических акторов и производство мнемонических конструкторов, базирующихся на специальных технологиях сохранения, которые обеспечивают «долгосрочность» и/или повторяемость⁶⁵².

Мы предположили, что восприятие российского официального дискурса о советском прошлом во многом определяется тем, является ли советское прошлое частью индивидуальной памяти и/или частью коллективной памяти того поколения, к которому он принадлежит, или оно функционирует исключительно как содержание культурной памяти, не имеющей отношения к непосредственному личному опыту участников исследования. Именно поэтому в рамках исследования были организованы три фокус-группы с участием жителей Екатеринбурга старшего (60–80 лет), среднего (30–40 лет) и младшего (от 18 до 25 лет).

Представители старшей возрастной группы сохранили как индивидуальную, так и коллективную память о советском прошлом и имели возможность сопоставлять собственные воспоминания с рассказами (или умолчаниями) старших родственников. Одновременно они являлись носителями

⁶⁵² Ассман А. Длинная тень прошлого...

культурной памяти и полноценного советского официального дискурса об истории советского общества и зачастую оценивали современный российский официальный дискурс памяти именно с этих позиций (что выражалось, в частности, в неприятии религиозной составляющей официального дискурса у части участников фокус-группы).

Представители средней возрастной группы опирались как на коллективную память о советском прошлом, транслируемую старшими членами семьи, так и на культурную память, причем для них решающим являлся официальный дискурс о советском прошлом 90-х гг. XX в., когда они получали среднее образование (напомним, что теоретики памяти именно школьные годы считают решающими для становления памяти поколения), что сильно повлияло на их оценки современного официального дискурса. Для представителей младшей возрастной группы также было характерно сочетание культурной и коллективной памяти о советском прошлом, однако их культурная память формировалась под непосредственным влиянием современного официального дискурса, что, соответственно, влияло на их оценки коллективной памяти (рассказов старших членов семьи и пережитом).

Кроме поколенческих разрывов при формировании программы исследования мы исходили из тезиса о все усиливающейся медиатизации массовых представлений о прошлом. Источником этих представлений, кроме коллективной памяти, являются средства массовой информации, в той или иной мере отражающие официальный дискурс памяти. Зачастую памятью о событии становится воспоминание о том, как член общества узнал об этом событии из СМИ. Таким образом, статус свидетеля совпадает со статусом зрителя/слушателя/читателя, то есть члена медийной аудитории. Это ярко проявилось, например, при обсуждении участниками фокус-группы старшего возраста такого ключевого события советской истории, как полет человека в космос.

Кроме того, исторические события отражаются в художественных произведениях, причем такое художественное отражение может стать «протезом», вытесняющим и подменяющим индивидуальную и коллективную память (классическим примером тут являются кадры взятия Зимнего дворца из художественного фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь», которые в массовом сознании превра-

тились в документальную съемку исторического события). Подчеркнем, что речь идет об институциональном производстве текстов в широком смысле этого слова, построенных на доминантном историческом дискурсе и нарративе, а не о свободной самореализации творцов этих текстов. В результате возникает трансмедийная динамическая структура⁶⁵³, которая объединяет тексты, порожденные институциональными агентами самых разных типов: не только печатные, но и аудиальные и визуальные, научные, популярные и художественные и т.п. При этом структура постоянно пополняется все новыми медийными конструктами, приобретая тем самым многослойный характер. В ее элементах отражаются разные стадии эволюции официального дискурса памяти как в советский, так и в постсоветский период. Для представителей разных поколений характерны разные «точки входа» в этот мир художественных образов, то есть для них ключевыми при формировании представления о том или ином событии советской истории могут стать различные произведения.

Ситуация дополнительно усложняется за счет того, что в условиях информационной революции все элементы трансмедийной динамической структуры становятся принципиально доступными для пользователей электронных средств коммуникации. То, какие из этих элементов будут выбраны, а затем и войдут в индивидуальную память как правдиво отражающие советскую реальность, зависит от целого комплекса факторов, включая особенности коллективной памяти данной социальной группы.

Таким образом, изучение особенностей восприятия и переконструирования российского официального дискурса политики памяти о советском прошлом в массовом историческом сознании требует учета целого комплекса социокультурных факторов.

Память «семидесятников» о Советском Союзе (по результатам группового интервью)

Групповому стандартизированному интервью в формате фокус-группы были подвергнуты лица 1940–1955 го-

⁶⁵³ Ramsay D. American Media and the Memory of World War II. New York; London: Routledge, 2015. 215 p.

дов рождения, имеющие социальный статус – пенсионеры по возрасту. Несмотря на различные судьбы, уровень доходов и образования, профессиональные статусы в прошлом, участников группы объединяло важнейшее социальное качество – принадлежность к одному поколению, поколению «семидесятников». Их наиболее активная жизнедеятельность и личностная реализация приходилась на 1970-е – начало 1980-х годов. Если считать, что «поколение – это те, кто вступал в самостоятельную жизнь при сходных условиях и пережил совместно уникальный социальный опыт»⁶⁵⁴, то поколение «семидесятников» – это первое послевоенное поколение эпохи брежневского застоя, ставшего для этих людей главным социальным опытом. Они, за редким исключением, не помнили войну, годы коллективизации и «Большого террора» были для них легендой, но их детство и юность совпали с возросшим авторитетом СССР в мире, с первым полетом человека в космос и с ударными всесоюзными стройками. Важно и то, что становление «семидесятников» прошло в условиях относительной свободы, и что их родители-фронтовики постарались создать им максимально комфортные по тем временам условия жизни. Семидесятые годы в СССР вообще стали временем максимального благополучия советских граждан и в некотором роде расцвета советского мещанства с его имманентным стремлением к улучшению личного и семейного быта. Собственно, в этом и состояла суть брежневского застоя: люди предпочитали совершенствовать быт, нежели общественный строй. Но делали они это слишком по-советски, сочетая в своих помыслах и делах бытовой прагматизм, политический конформизм и революционный романтизм одновременно.

Спустя тридцать лет после завершения «социалистического проекта» люди, большую часть жизни прожившие в СССР – нынешние российские пенсионеры, остаются живыми свидетелями и носителями личной памяти о жизни в Советском Союзе. Их оценки прошлого субъективны и во многом продиктованы современным событийным контекстом, но от этого они не перестают быть подлинными. Понимаем их.

⁶⁵⁴ Пастухов В.Б. Революция и конституция в посткоммунистической России: Государство диктатуры люмпен-пролетариата. Москва: ОГИ, 2018. С. 47.

В ходе группового интервью участникам был задан вопрос: «Какие ассоциации приходят вам на ум, когда вы слышите слова «Союз Советских Социалистических Республик»?» Ответы слушателей не отличались особым разнообразием, но в них звучали три явно выраженных нарратива. Первый связан с ностальгией по бывшему масштабу, мощи и величаю страны:

– «Невероятно огромное, достойнейшее в мире государство» (участник А.В.).

– «Вы сказали, как я воспринимаю Советский Союз. Для меня это все-таки взлет достижения науки и техники во всех областях. Помимо космоса во всех областях жизни. Все-таки наука очень хорошо развивалась, и я этим горжусь. Это первое. Второе – плановое хозяйство. Это очень серьезный момент, потому что сейчас этого нет, поэтому хотели бы вернуться, но этого нет» (участница Д.А.).

Второй доминирующий нарратив, также с ностальгической ноткой – об утраченной дружбе народов, населявших СССР:

– «Да, дружба народов, разных национальностей. Содружество» (участница А.Ш.).

Заметим, что групповое интервью проходило во время российско-украинского военного столкновения, что, естественно, выдвинуло тему былой дружбы народов СССР на авансцену общественного внимания и группового обсуждения. Однако это обстоятельство породило и иные оценки советского прошлого:

– «Россия. Вот русские. Они всегда были на минимуме. Поэтому у меня нет такого вот прямо, дружба народов и все такое. Русских всегда задавливали. Это мое мнение» (участница П.С.).

Третий нарратив ассоциаций с Советским Союзом у пенсионеров связан с чувством утраченной социальной стабильности и справедливости.

– Модератор: «Советский Союз – это...?»

– «Стабильность» (участница Н.Е.).

– «Справедливость. Потом забота о людях. Все-таки нам и квартиры давали, и медицинское обслуживание было бесплатным. То есть о людях очень думали» (участница Д.А.).

Среди советских политических деятелей в ассоциативной памяти участников фокус-группы абсолютно лидирующее место занимает фигура Сталина. На вопрос модератора:

«Чье имя вам приходит на ум в первую очередь, когда вы вспоминаете СССР?» – большинство из участников назвали Сталина. Аргументы подобного выбора различные: от вклада Сталина в модернизацию страны до победы в войне. Встречаются и абсолютно мифические истории.

– «После войны Сталин, то есть Иосиф Виссарионович, он дал всем приказ: там, где есть овраги, сделать плотины и выращивать рыбу, карпов, где можно. Для того чтобы люди были сыты, чтобы была рыба! Вот где есть какие возможности, чтобы выращивать скот. Это все после войны содействовали, и даже требовал он того, чтобы люди были сыты. Он заботился о нас» (участница Н. А.).

– «Ну, вот я не знаю, Сталина все хают. Но когда я еще была маленькая, мне было лет семь, наверное, но я помню, как у нас были снижены цены. Радовались мы такие, счастливые были. Ну как бы было радостно и для детей, и взрослых» (участница С. Г.).

– «Сталин. Я сейчас вот когда разговариваю с кем-то, говорю Сталин рулил, ну я считаю грубо, с 24 по 53 год, что он сделал из России, в какую превратил страну» (участник А. В.).

– «Товарищ Сталин. Потому что А. В. правильно сказал. 30 лет. Вот. Провести, в том числе войну, и когда сейчас обгаживают. Как может быть, такого высокого человека не назвать товарищ Иосиф Виссарионович Сталин. Все! Три восклицательных!» (участник А. В.).

Среди политических деятелей времен СССР многие вспомнили также Хрущева.

– «Ну, потому что началась эта... Оттепель! Реабилитация всяких врагов народа» (участница П. С.).

– «Вот Хрущев начал квартиры строить всем давать. Это же вообще, это такое событие в стране, это же из развалюхи!» (участница С. Г.).

Естественно, вспомнили Брежнева («Брежнев. Самое стабильное время» – участница Н. Е.), Ельцина («Он наш родной, уральский» – участница А. Ш.) и даже Громыко («Потому что он много сделал для нашего государства» – участница Д. А.). При этом никто ни разу не назвал Ленина, равно как и других руководителей государства 1920–1930-х гг. Не вспомнили и последних руководителей СССР – Андропова и Черненко. Даже фамилия Горбачева была упомянута лишь однажды, да и то в связи с обсуждением темы развала СССР. Но об этом чуть ниже.

В ходе интервью модератор просил участников назвать главные события из советской жизни, характеризующие СССР как эпоху. Ответы участников не были оригинальны, они точно уложились в господствующий властный нарратив интерпретации советской истории: победа в Великой Отечественной войне и первый полет человека в космос.

– «Ну, победа в Великой Отечественной... Это такое, глобальное конечно. Победа над фашизмом» (участница А.Ш.).

– «Все-таки космос. Потому что я помню вот это вот черное радио, тарелочка да, это самое. Я первая услышала дома, и когда отец пришел, он у меня глухонемой был, вот, и это самое я помню, вот, рассказывала, что полетел в космос человек. И он, конечно, тоже этому был рад» (участница Н.А.).

– «Полет в космос. Гагарин» (участник А.В.).

– «Ну, для меня тоже это два значимых: это победа, потому что у меня воевал папа, в семье отца много погибли. Погибли в семье мамы, мама всю войну была медицинской сестрой, с 14 лет в госпитале. Это победа... Вот я вам хочу сказать про другое значимое такое вот событие, так сказать юности, детства даже – это полеты в космос. То есть как бы это вот, что наша Родина – вот первая и мы... Было чем гордиться, что мы живем здесь» (участница Н.Е.).

Неожиданно разговор зашел еще об одном событии, подхваченном всеми – о распаде СССР, событии, по мнению участников, рукотворном и глубоко ошибочном. Вот здесь-то и всплыло единственный раз за всю беседу имя Горбачева.

– «Ну, я не буду углубляться, сейчас просто по теме этого вопроса. Это распад Союза. Это развалил этот, ну, Горбачев. Нельзя было, этого нельзя было делать. Мне жалко, что мы распались» (участница А.Ш.).

– «Так как они развалили, их за это судить!» (участница С.Г.).

– «Полет Гагарина. И распад тоже, да. Это очень серьезно. Я всегда говорю, что в Советском Союзе было очень много хорошего, очень много, и не надо было это рушить! Не надо было, надо было все хорошее сохранять. Но почему-то у нас это не получается» (участница П.С.).

Представляется, что концентрация участников фокус-группы только на трех событиях истории Советского Союза – война, космос, распад СССР – это не только результат

целенаправленной исторической политики современного российского государства и соответствующей пропаганды, за этим кроется и нечто другое – личный опыт жизни в СССР участников интервью. Стоит обратить внимание, что в их восприятии советской истории напрочь отсутствуют события довоенного периода, безусловно, знакомые им хотя бы по курсу школьной истории и советскому кинематографу, такие как Гражданская война, коллективизация, индустриализация и т.д. Этот исторический пласт оказался полузабытым, не востребованным. Зато в «оперативной памяти» прочно укоренились события, связанные с их личным опытом переживаний: война – потому что все они дети фронтовиков и так или иначе были вовлечены в тему войны через непосредственное общение с ее участниками; космос – потому что все они хорошо помнят полет Гагарина и тот восторженный эффект, который он произвел на весь мир и советское общество в частности; и, конечно же, травмирующий опыт распада СССР и наступивших за этим последствий.

Картина памяти «семидесятников» о Советском Союзе была бы неполной, если бы мы ограничились только позитивными оценками СССР со стороны участников интервью. Негативные тоже были и в изрядном количестве. Вообще коллективная память участников фокус-группы оказалась, скажем так, двуслойной. На поверхности – мажорные ноты радужных воспоминаний о жизни в СССР, пусть и не лишённые ностальгической грусти. Это своеобразный внешний декор, бравурная ролевая позиция в ходе коллективного обсуждения. Но стоит только кому-либо заговорить о пережитых трудностях в прошлой жизни, картина моментально меняется, открывается другой, негативный пласт памяти.

К примеру, в ответ на реплику одной из участниц, что «партия прилагала огромные усилия, чтобы у людей все было», немедленно последовала возмущенная реакция остальных участников.

– *«По талонам покупали продукты. Вы не помните? В шесть утра вставали, чтобы купить литр молока. Не помните?»* (участница П.С.).

– *«Да-да, было такое. У меня муж вставал рано утром, чтобы занимать очередь за молоком»* (авторство не установлено).

– *«Кусок хлеба давали...»* (авторство не установлено).

Особенно горестные воспоминания начались, когда участники группы заговорили о судьбах своих родителей при советской власти.

– «Мои родители рассказывали, как их выгнали, отобрали дом и назвали кулаками. А на самом деле, это потом кто-то забрал себе. В общем, это насилие, насилие...» (участница С.Г.).

– «Вот мой папа, он старенький, тоже с 23 года, он тоже рассказывал, как их раскулачивали. Последнее отобрали. Говорил, оставались мы ни с чем» (участница Н.Е.).

Однако, чувствуя внутренний диссонанс в высказываемых одновременно позитивных и негативных оценках советского прошлого, участники интервью предпочитали занимать в итоге компромиссную, объединяющую плохое и хорошее, позицию.

– «Очень сложная история нашей страны, и уже пора перестать капать правду. Надо просто признавать ее и все» (участница П.С.).

– «А что признать-то? Почему не копать?» (авторство не установлено).

– «Что признать? Все признать! Что были ошибки, были зверства, были геройства. Народ хороший, работающий. Надо дать ему возможность работать и жить» (участница П.С.).

– «Все было. Да...» (авторство не установлено).

Когда же участникам фокус-группы было предложено определить – «Чем отличались советские люди от нынешнего поколения россиян?» – разговор от утилитарных оценок прошлого ушел в духовно-нравственную сферу, и высказывания снова приняли идиллический характер.

– «Уважали люди друг друга. Ценили. Я имею в виду, люди были более сознательные такие, более ответственные, чем сейчас» (участница С.Г.).

– «Приоритет был. Это труд. Учеба, труд. И достижение целей. Все старались, трудились честно. В Советском Союзе была коммунистическая идеология. Сейчас идеологии нет. Нет. У нас была идея строить там, создавать, и все такое. В СССР. Сейчас мы не знаем, к чему мы идем. Нам бы быть бы живы, вот и все» (участница Д.А.).

– «Вот я помню свою молодость, вот у нас была цель со школьной скамьи... И учителя, и родители, будем говорить, вдалбливали: учись, учись, продолжайте учить-

ся, набирайте знания, опыт, вам это пригодится в жизни. Вот это мы старались делать» (участник А.В.).

– «Я хотела еще добавить, что в Советском Союзе в приоритете все-таки было общение. Сейчас общения мало, сейчас все в гаджеты уперлись. Все-таки общение и всякие такие были у нас политинформации и все такое. Вот это все было полезно для всех членов общества. А сейчас вот гаджеты» (участница Д.А.).

– «Ну, мы больше были политизированы, конечно. Их это сейчас не интересует» (участница П.С.).

Впрочем, и здесь не все однозначно. Нет-нет, да и обнажится второй, неофициозный, откровенно критический пласт памяти о советском обществе.

– «Свободы не было» (участница П.С.).

– «Планка была. Вот она стоит планка: выше не ходи, а вниз... Внизу можешь быть» (участница А.Ш.).

– «Ну, планочка-то эта была в чем? – политика партии и правительства. Если ты не возражаешь, то тебе помогут пробраться. Если ты хоть чуть-чуть не согласен, то тебя, может быть, не задавят, ну и продвигать не будут! Но это как было, так и сейчас есть» (участница П.С.).

– «Вы знаете, по этому поводу: те, кто хоть немного поднял свою планку выше, если ты не член партии, тебе заказана дорога в высший эшелон. Это было в Советском Союзе. Со мной согласятся, наверное, все сидящие здесь. Вот эта была планка. Если ты хочешь подняться выше, изволь стать членом КПСС. Если нет... Вот эта была планка, которая держала. Не согласен, значит, сиди тихо. Тебе не дадут подняться. Все!» (участница Н.Е.).

– «Она правильно сказала, я тоже работала на рабочем месте, и мне предложили, чтобы я после комсомола вступила в партию. Ну, там пока туда-сюда шло время, а потом уже и поставили мастером. А так бы меня бы сразу, если бы я вступила в партию, меня бы сразу и мастером-то и поставили бы» (участница С.Г.).

– «Я про Советский Союз. Все-таки уважали Сталина. Но было такое, что боялись сказать лишнее из страха быть привлеченным и отправленным за решетку просто без всякого... Вот этот вот страх в людях жил, поэтому не обсуждали, не говорили. Вот это очень важный момент. Да, много не говорили. Родители так говорили: «Молчи, молчи». Вот это слово «молчи» во мне так и си-

дит. «Много не говори», «не сболтни лишнего», вот. Это страх...» (участница Н. А).

По сути, сказанное выше – это признание «семидесятников» во всеобщем политическом конформизме того общества, в котором они прожили большую часть своей жизни. Много не говори, не сболтни лишнего, сиди тихо – таким был стиль их жизни в Советском Союзе, точнее, стиль выживания. Что же они, в таком случае, передали своим внукам? Какое духовное наследство? Прозвучал ответ и на этот вопрос, и он еще более откровенный.

– «У нас осталась от Советского Союза психология потребителей. И она выросла! Ведь мы как привыкли? Нам должны что-то дать. Квартиру дать! Зарплату дать! Парки дать! Нам все должны были дать. Нас не приучили, что мы должны делать сами. И вот эта психология потребителей, она просто разрослась сейчас. Кто-то что-то должен дать. «А вот в Америке дают, а у нас вот этого не дали» – это наша молодежь сегодня» (участница Н. Е.).

Таким образом, можно констатировать, что память «семидесятников» о Советском Союзе – нынешних российских пенсионеров, рожденных в 1940-х – 1955-х годах, и чья активная жизнедеятельность пришлась на годы брежневского застоя – хронологически ограничена и внутренне противоречива. Она оперирует в основном событиями послевоенных лет, упуская из виду предвоенные годы, и имеет конфликтную двухуровневую структуру. На внешнем, публично-показательном уровне – это коллективные нарративы, полностью совпадающие с содержанием государственной исторической политикой памяти – героизация войны и ресталинизация, возвеличивание советской космической программы и порицание распада СССР. На внутреннем, латентном уровне – критические, подчас весьма болезненные воспоминания об обстоятельствах личной жизни и жизни своей семьи в советских условиях. Оба эти уровня сосуществуют в памяти поколения «семидесятников» одновременно. Тот или иной «пласт памяти» актуализируется и становится доминирующим в зависимости от обстоятельств: предмета коллективного обсуждения, позиции собеседников и уровня доверия к ним, а также от степени откровения сложившегося разговора. В итоге память поколения остается разорванной: властный исторический нарратив принимается и не отвергается, но и не вытесняет собой

индивидуальное восприятие прошлого, личный жизненный опыт пребывания в СССР не дает.

Характер восприятия и память о советской эпохе у россиян среднего возраста (по материалам проведенной фокус-группы)

Еще одной исследуемой целевой аудиторией, которая принимала участие в фокус-группе стали респонденты среднего возраста, которые принадлежат к возвратному диапазону от 30 до 40 лет с высшим и средним специальным образованием. Они родились в СССР, у них было советское детство и система воспитания, но школьные годы и взросление проходило в период «лихих девяностых» и начало двухтысячных. Как отмечает Е.Л. Тимшина, понятие «лихие 90-е» включает «весьма разнородные травмирующие события... всеобъемлющий кризис советской модели в период поздней перестройки, этнические конфликты, распад Советского Союза, шоковые экономические реформы и дефолт в 1998 году»⁶⁵⁵. Кроме того, несмотря на разные региональные особенности периодизации поколений, в которые попадают рожденные в 80-е годы, в данном исследовании респонденты среднего возраста относятся к представителям «старшей когорты миллениалов» поскольку их условно можно рассматривать как «ровесников горбачевской перестройки или тех, кто родился в период распада СССР»⁶⁵⁶.

Поскольку в большинстве случаев советский период их жизни совпал с периодом детства, а также они застали лишь последние годы существования Советского союза, в связи с этим можно предположить, что индивидуальная память об СССР либо отсутствует, либо значительно ограничена фрагментарными воспоминаниями детства. Несмотря на небольшой опыт жизни в данный период, респонденты, заставшие завершение советской эпохи, транслируют собственный набор нарративов об СССР, частично пересекающийся с представителями старшего поколения. Кроме того, как по-

⁶⁵⁵ Тимшина Е.Л. Проблема распада СССР в нарративах политических партий России. С. 124.

⁶⁵⁶ Ядова М.А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Полис. 2020. № 6. С. 182. С. 181–188. doi 10.17976/jpps/2020.06.14

казало исследование, это поколение передает и воспроизводит, с одной стороны, коллективные нарративы о советской эпохе, формируемую как с помощью официальной исторической политики памяти, так и при содействии других институциональных мнемонических акторов, например, СМИ. С другой стороны, личные, эмоционально насыщенные воспоминания, встроенные в коммуникативную память, носителями которой являются родители и старшее поколение.

При анализе ассоциативного ряда, связанного со словосочетанием «Советский Союз» ответы участников, перекликаются с ответами пенсионеров. Фиксируется ностальгические нарративы мощи, величия страны, многонациональности и дружбы. Так, один из участников, мужчина 33 лет, с высшим образованием пропел первые слова гимна СССР «Союз нерушимых», кроме того прозвучали следующие ассоциации: «много республик», «братство народов», «пятнадцать», «империя», «социализм». При этом среди участников фокус-группы также была зафиксирована более негативная ассоциация, например, «очереди» (женщина 34 лет, с высшим образованием). Стоит отметить, что у одного из участников Советский Союз ассоциировался с И. В. Сталиным (мужчина 37 лет, среднее специальное образование), а другая участница (женщина 34 лет, с высшим образованием) провела параллель с Л. И. Брежневым. Так, на вопрос модератора: «А когда я Вам говорю Брежнев, что Вы слышите? Что Вам кажется? Что Вы видите?» – данный респондент (женщина 34 лет, с высшим образованием) отмечает, что «у меня ничего не возникает, честно говоря. Советский Союз как он есть. Да. Единственная, наверно, ассоциация. Одно из олицетворений. (Модератор: Можно знак равенства поставить? Брежнев и Советский Союз?) Да. Потому, что все остальные это больше личности как отдельные. Здесь оно у меня со страной полностью совокупности».

При анализе значительных советских деятелей в ассоциативной памяти участников среднего возраста, лидирующую позицию занимает фигура И. В. Сталина, как и у группы пенсионеров. При этом ассоциативный ряд, связанный с И. В. Сталиным, варьировался в диапазоне ряда категорий, преимущественно негативного значения: «война», «тиран», «репрессии», «Гулаг», «высылка народа», однако встречались и позитивные и нейтральные ассоциации, например, «победы», «космос», «курительная трубка». Кроме того, на во-

прос: «когда говорят Советский Союз, СССР, Союз советских социалистических республик, какой человек, имя какой персоны приходит Вам в голову?» были названы «Брежнев», «Хрущев» и «Ленин». Стоит отметить, что участники называли именно политических деятелей, ассоциирующихся с советской эпохой, при этом другие исторические персоны данного периода, например, А.А. Леонов, С.П. Королев, не были предложены.

При обращении к персоне В.И. Ленина, участники фокус-группы озвучили основные ассоциативные шаблоны и некоторые значимые медийные образы, а также процитировали высказывания, транслируемые в информационной повестке: «Учиться, учиться, учиться», «броневик», «революция», «Крупская», «мавзолей», «Ленин – гриб», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», «Личность. Символ личности. Звезда с Лениным. Деньги с Лениным. Флаг с Лениным».

В ассоциативной памяти респондентов среднего возраста, как и у молодежи, персона Л.И. Брежнева в отличие от представлений пенсионеров, приобретает более широкую палитру образов и смыслов. Так, несколько участников с высшим образованием в качестве первой ассоциации с Брежневым называли «застой».

– «У меня ассоциация с Брежневым, это то, что при Брежневе была неверная экономическая политика, которая обеспечивала длительное время стабильность со скатыванием, то, что называется застоем. Но, при этом симулировало в экономике не эффективных хозяйственных субъектов, которые в частности породили многие кризисные явления» (участник Н.).

– «Первое это застой. Второе это звездочки героев. Вот сразу же, как говорится из всех этих исторических кинофильмов. И третье – анекдоты про Брежнева, которые появились» (участник В.).

Стоит отметить, что на конструирование памяти о советской эпохе, в частности, об эпохе Л.И. Брежнева, на сознание данной возрастной группы сильное воздействие оказали массовая культура и СМИ, то есть, прежде всего, информационные технологии. Участники называли следующие ассоциации: «медленная, медленная речь» (участник А.), «низкий голос» (участница Ю.), «Брежневский поцелуй. (Модератор: Вы картинку вспомнили или само понятие?) Нет, сами ка-

дры, видео... и пародии на них, в том числе фильм «На Дерибасовской хорошая погода», где его пародируют в этом ключе» (участник С.).

Для ряда респондентов среднего возраста в отличие от группы пенсионеров оценки советского периода отличались негативной окраской. На вопрос модератора: «Для Вас, что такое «советское»? Как можно описать и дополнить это понятие?» – последовали следующие ответы:

– «мещанское. (Модератор: Почему мещанское?) А вот не знаю, ...мне кажется, что это время, когда мало, что у людей есть. Характеризуется именно таким, желанием это иметь, то есть говорят о том, что в советах духовности было больше. Мне кажется, наоборот, меньше, потому что больше было устремлений у людей на добычу элементарных благ» (участница К.).

– «неравномерное... Не равенство как таковое. То, что мы пытались это скрыть, потом неравенство экономики, где-то более-менее адекватные какие-то продукты, а где-то мы не могли себя обеспечить какими-то элементарными вещами ну и т.д.» (участник Н.).

– «скорее это отсутствие разнообразия конкретно в одежде, в обуви. Школьная форма одинаковая, когда выкидывают на прилавок, ну насколько я могу судить, там обувь какую-то, там привезли откуда-нибудь. Кто смог тот в ней и будет ходить» (участница Ю.).

– «Это тирания, диктат, угнетение, это бесправие... Бесправие полное. Сейчас говорят люди вторая нефть, люди и тогда были вторая нефть... Факт то, что с людьми не считались, почему мы говорим о, Сталин, Ленин, говорим про культ личности. Мы не говорим про ученых. Мы не вспомнили сейчас ни одного ученого физика-ядерщика. (Модератор: А почему мы не вспомнили?) Потому, что Советский Союз не приемлел культ личности кроме личностей вождей. (Участник И.: улицы в честь конструкторов в Москве названы). Да. Названы, но все равно когда мы говорим Советский Союз – Сталин, Ленин» (участник С.).

Вместе с тем, в ассоциативной памяти представителей данной целевой аудитории относительно советской эпохи возникали ностальгические и идеализированные образы советского прошлого, которые совпали с периодом их детства, прослеживалась гордость за советские достижения науки и техники:

– «У меня [советское] ассоциируется больше всего с техникой, технологиями, технологическими рывками и технократией, в первую очередь... Ленин провозгласил электрификацию, значит, формула коммунизма – это советская власть плюс электрификация всей страны. В очень короткий срок был сделан колоссальный технологический скачок, так что к 30-му году уже... могли быть построены такие заводы как вот Уралмаш, Магнитка... все, что в Кузнецком бассейне находится и т.д. И дальнейшая эволюция технологий, как во время войны, так и после нее... связан с космосом, с атомной энергией. Огромный прогресс в физике, в химии, в информатике, то есть, несмотря на то, что считается, у нас там не производятся компьютеры, электроника и т.д. В СССР эти отрасли все существовали, несмотря на то, что они были, отставали чуть-чуть от западных. В принципе это отставание было совсем не большое, а в некоторых, конкретных областях оно даже опережало западные аналоги» (участник И.).

– «Я бы сказал, наверное, образ какого-то такого простого счастья, может быть человеческого, может быть, больше честности между людьми было. У меня почему-то такая ассоциация. Воспитание» (участник А.). В продолжение дискуссии другой участник мужчина 33 лет с высшим образованием добавляет: «Мы говорим про разные аспекты честности. Участник А. говорит о честности в межличностных отношениях, но я говорю больше о честности, именно как на другом уровне, т.е. на политическом уровне, на общественном уровне. То есть часть людей, я согласен, они друг друга меньше обманывали, мне кажется, чем сейчас. Хотя бы по количеству судебных дел» (участник Н.).

Ответы участников данной фокус-группы на вопрос о значимых советских событиях, характеризующих СССР как эпоху, в значительной степени коррелируют с ответами пенсионеров. Так, среди значимых событий из истории СССР большинством респондентов были названы: Великая Отечественная война и полет в космос. В частности, один из респондентов фокус-группы, женщина 34 лет с высшим образованием отметила: «Гагарин – это, мне кажется, огромный прорыв вообще для человечества... мне кажется, за XX-й век это самое главное, не то, что за Советский Союз и т.д. Это мировое! И то, что это наше» (участни-

ца К.). Кроме того, ряд респондентов обратили внимание на спортивные достижения СССР, в частности, Олимпиаду:

– «Если первое, что приходит в голову, то это будет Великая Отечественная война, второй пункт – это Олимпиада 80-го года. Космос у меня не приходит в первую очередь. Война и Олимпиада» (участница Ю.).

– «Для меня это еще то, что Советский Союз – это была мировая спортивная держава, я как любитель спорта за то, что наши советские спортсмены они действительно практически, наверно во всех видах спорта, за которые брались, обыгрывали всех. Ну, это я так немножко утрирую, но в сравнении с тем, что творится сейчас. Евро-88 – великолепно! Первые чемпионы Европы по футболу – Советский Союз. ...И на Олимпиадах наши спортсмены были, если не победителями всегда, то в общем медальном зачете, практически на самой верхушке!» (участник Д.).

– «Мне кажется, основные такие три события... которые все вспомнят, которые останутся в основном в памяти. Это война. Точнее космос, война и олимпиада, потому что остальное оно даже не сразу вспоминается на мой взгляд. Военный коммунизм нам не подарил особых событий. Вспоминать как какое-то мега событие предвоенные годы с его переселениями, стройками, другими какими-то отдельными тоже не вспоминается. Мы это знаем, но это не то, что мы хотим помнить о Советском Союзе, скажем так» (участник Н.).

Важным компонентом коллективной памяти участников данной фокус-группы о советской эпохе стали передаваемые на уровне семьи болезненные, эмоционально насыщенные воспоминания о трагических событиях и жизненных обстоятельствах, которые когда-то пережили их близкие родственники:

– «как раз для меня события как трагедия семейная... возвращаясь к событиям, как раз таки – это грязное белье, мы не хотим помнить, но помнить нужно, потому что хорошие моменты это все здорово, но голодомор – мои родственники очень сильно пострадали, переселение народов, в первую очередь сказалось. Мои предки казаки, их переселили, ну в Оренбуржье. И там... был голод» (участник С.).

– «мой дедушка, он в Белоруссии значит, воевал с первых дней, а в этот момент, когда он героически защищал до 44-го года нашу Родину, его народ был признан врагами

народа и высылался. То есть вот парадокс. И из-за этого ему не дали Героя Советского Союза, а в 95-м году Ельцин посмертно присвоил звание Героя Российской Федерации, то есть парадокс такой, что вроде, как и положительный момент, но в этот же момент другая часть истории – она достаточно трагична. И вот эти трагичные истории, они может быть не всех касаются, поэтому они и не приходят всем в первую очередь в память» (участник А.).

Кроме того, был сделан акцент на временных границах («сроке жизни») коммуникативной памяти, транслируемой в рамках семьи. Согласно мнению одно из участников, именно непосредственный личный опыт родственников в пределах двух-трех поколений формирует «инфраструктуру семейной памяти», поэтому отсутствие среди значимых событий, к примеру, Гражданской войны, обусловлено отсутствием памяти о ней у родителей и бабушек с дедушками.

– «Олимпиада, покорение космоса – это более новые события, мы их знаем на основании рассказов людей, которые живы. А о гражданской войне нам кто может рассказать, то есть большинство наших дедушек, бабушек, они родились после. Они этого просто не знают из опыта» (участник И.).

Между тем, несмотря на незначительный опыт советской жизни, некоторые участники среднего возраста смогли воспроизвести яркие, детские, личные воспоминания, пусть и крайне фрагментарные, но формирующие их собственную память о советской эпохе. Так, один из участников мужчина 34 лет поделился воспоминаниями о 1990-м годе, который его семья провела в Москве. Другой участник, мужчина 37 лет со средним специальным образованием, отметил: «Я очень хорошо, много чего помню из детства. И из Советского Союза, мне хоть было мало лет, но я тоже помню моменты. И правильно сказано было, что потом это перетекло и в 90-е, поэтому память свежа». Кроме того, другими участниками фокус-группы были названы символы и атрибуты советской жизни, быта («компостер в трамвае», «глиняная посуда в столовых» и др.), которые они все еще помнят. Отметим, что яркие детские воспоминания с оттенком ностальгии в последствии могут стать частью семейной памяти о советской эпохе, а также оказать влияние на характер восприятия памяти об ушедшей эпохи у следующих поколений.

Большой пул вопросов был посвящен обсуждению источников информации о советской эпохе, их достовер-

ности и валидности для оценки данного периода истории. Участники среднего возраста, как и респонденты двух других фокус-групп (молодежь и пенсионеры) продемонстрировали потребность в сочетании как традиционных форм и каналов информации о советском периоде (рассказы родственников, телевиденье, пресса, художественная литература, учебники истории), так и цифровых каналов, преимущественно поиск в интернете. Однако именно воспоминания родителей и родственников в значительной степени доминируют в качестве источника информации о советской эпохе. Так, на вопросы модератора: *«Вы лично, откуда знаете про советское прошлое, про Советский Союз?»* – участники отметили:

– *«из многих источников: что-то родители рассказывают и другие взрослые, что-то в фильмах мы можем видеть, что-то в учебниках истории в школе читали, и помимо этого когда взрослеют, люди читают книги, интернет тот же самый, фильмы смотрят, интересуются историей, музеи могут посещать. Ото всюду понемногу информацию собирают и какой-то образ формируют»* (участник А.).

– *«в большинстве, случаев рассказы родственников, подкрепленные кинематографом советским, учебниками истории, которые неоднозначны. Разговоры, рассказы родственников конечно в некоторых местах видно, что противоречат с учебниками. Хоть они на них воспитаны были. Но, они же какие-то этапы застали, где нам уже немножко отредактированную версию подали. Плюс такие-то книги, из интернета меньше на самом деле. Тем более про Советский Союз в интернете сейчас столько мнений и не получить четкую, ясную картину. Я не настолько способен в анализ, чтобы собрать достоверность, в общем отделить истину от плевел, поэтому основываюсь больше на опыте предков»* (участник С.).

Отметим, что согласно позициям респондентов выбор источников и каналов информации, доверие к потребляемой информации и ее достоверность обусловлено рядом факторов: ограниченными временными возможностями респондентов, персональными интересами, доступностью исследуемого материала о советском времени, инструментарием и др. Так, участники отмечают потребность в критическом и комплексном анализе источников информации при обращении к советской истории:

— «нельзя считать источником на 100% не один из источников, потому что источник о Советском Союзе — это комплекс, это комплекс источников, и почерпнуть какую-то информацию мы можем только комплексно, опять же подойдя к вопросу. Книги, фильмы, рассказы, не знаю какие-то исторические документы, которые в открытом доступе есть. Я на своем примере, давайте, поскольку не далеко был Тоцкий полигон, то я как потомок, тех людей, которые там проживали в момент ядерного взрыва. Соответственно, какую информацию знает средне статистический россиянин про Тоцкий полигон? Да 5%. Может даже ни кому не интересно, ни кто не помнит. Многие знают Хиросима, Нагасаки, Фокусамы, кто-то вспомнит Семипалатинск. Про Тоцкий, когда я рассказываю два человека из 10. А, Тоцкий — да, что-то слышал. А, это там Жуков был. Это вообще 1% из ста. Поэтому говорить об источниках достоверно, у нас нет ни одного советского фильма про Тоцкий полигон. Исторический факт испытание ядерной бомбы могли бы хотя бы снять как-то, хотя бы в качестве пропаганды. Что вот мы обуздали не только мирный атом, но и сделали атом на защиту страны, ядерный щит. Вот поэтому я говорю, что источники, они разные» (участник С.).

— «подвергать сомнению любую информацию. Правда, если очень интересно. Если мы берем с точки зрения исследования науки, то человек должен подходить к вопросу комплексно, опять же, исследовать этот вопрос и документально и с рассказов ну еще остались живые люди Советского Союза — это очевидно. С рассказов очевидцев и делать анализ, а не говорить какой-то источник достоверный или нет» (участник С.).

— «как по мне все-таки родственникам. Допустим все, что я знаю вообще о жизни, имеется в виду о Советском Союзе — это рассказы моей бабушки и дяди. А со школой тяжело, потому что если говорить, допустим, об учебниках то у нас в школе очень слабо преподавался Советский Союз. Мы каждый год начинали с восточных славян и где-то там же заканчивали, по-моему, приблизительно вот на этом» (участник Д.).

— «Что-то помнят мои родственники, что-то помню я. Можно по этому судить, но нельзя воспринимать это так, что это весь Советский Союз жил именно так» (участник В.).

– «Если это речь о родственниках, то, во-первых, должен быть контекст, сейчас жизнь такая быстрая, что просто сказать: мама, а давай поговорим о твоём опыте жизни в Советском Союзе, это ну максимально странно. Вы обсуждаете будущее скорее, а прошлое оно именно о личном, да поэтому для меня, например, рассказы родственников это наверно даже один из самых маленьких источников. ...Для меня история всегда воспринималась как квинтэссенция сплетни и соответственно какие-то как раз маленькие истории, рассказы, байки, они для меня картину и атмосферу создают. И я знаю, Советский Союз по Довлатову и Веллеру, вот для меня это собственно – Советский Союз» (участница К.).

– «Перекрестно сравниваешь источники и понимаешь в какой-то конкретный момент, в каком-то конкретном месте было вот так. Советский Союз – это вон свыше 200 миллионов человек. У всех Советский Союз разный» (участник Н.).

Резюмируя, отметим, что полученные ответы показывают, что память респондентов о значимых советских событиях сформирована под влиянием современного официального дискурса о советской эпохе, транслируемого разными институциональными мнемоническими акторами, а также взаимосвязана с доминирующими историческими нарративами, характерными для национальной политики памяти в частности и культурной памяти в целом.

Однако, на примере значимых исторических событий советского периода, можно выявить наличие в «оперативной памяти», данной возрастной группы как героических, позитивных событий, таких как первый полет в космос, победа в Великой Отечественной войне, так и травмирующих исторических событий, передаваемых и воспроизводимых в коммуникативной памяти отдельных групп (преимущественно на уровне семьи). Например, «голод», «высылка», «испытания на Тоцком полигоне» и др. Принцип избирательности восприятия, желания вспоминать позитивные, героические события советского прошлого страны сосуществуют в «оперативной памяти» данной возрастной группы с семейными трагическими сюжетами, которые как отмечают участники нужно и важно помнить. Стоит отметить, что при обращении к ценностным константам характерным для советского периода одной из значимых ценностей становится «стремле-

ние к образованию» как для среднего возраста, как и для двух других групп (пенсионеры и молодежь).

Для данной целевой аудитории характерно более смелое и активное переконструирование и трансляция как культурной, так и коммуникативной памяти (в частности памяти семьи), поскольку они не являются свидетелями основных событий советской эпохи (в том числе трагических), а занимают аналитическую и оценочную позицию. Таким образом, память о советском периоде родившихся в 80-е годы, можно определить как гибридную, поскольку, коллективная память конструируется у поколения «старшей когорты меллиниалов», как и у поколения «семидесятников» на двух уровнях: публично-показательном и личном уровне. Однако личный уровень формируется преимущественно за счет коммуникативной памяти семьи и родственников и лишь отчасти собственных, фрагментарных воспоминаний, которым характерен ностальгический и идеалистический оттенок.

Характер восприятия СССР современной студенческой молодежью (по материалам проведенной фокус-группы)

Целевой аудиторией первого качественного социологического исследования, проводимого в формате фокус-группы, в 2021 г. стали студенты, обучающиеся в магистратуре одного из высшего учебного заведения города Екатеринбурге. Это были молодые люди 1999–2000 годов рождения, поколение «миллениума» или «первое путинское поколение», для которого все детство, отрочество, юность и начало профессионального становления пришлось на годы правления президента В.В. Путина. Это поколение биографически никак не связано с Советским Союзом, молодые люди родились спустя почти десять лет после того, как он распался. Они не жили в Советском Союзе, не воспитывались в советской идеологии, не учились по советским учебникам в школе, а потому их восприятие СССР являет собой набор индивидуальных мифологизированных фрагментов коллективной исторической памяти о уже несуществующем государстве. В контексте нашей темы у этого поколения «миллениума» есть еще одна важная особенность – это их родители, рожденные приблизительно в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Распад СССР пришелся на их детство, максимум – подрост-

ковый возраст, а потому их родительское восприятие Советского Союза, можно допустить, носит ограниченный и искаженный за малолетством возрастными особенностями характер. Если же полагать, что социализация человека во многом определяется семьей, и что в семье человек постигает первые уроки знакомства с исторической памятью, то придется признать, что участникам фокус-группы их родители мало что содержательного могли рассказать о Советском Союзе, поскольку сами полноценно не усвоили этот опыт. Но тем и интереснее для исследования получились результаты группового интервью.

Итак, студентам-магистрантам была объявлена общая тема проводимого исследования: «Память о Советском Союзе. СССР».

Вначале, путем применения метода ассоциативного опроса, было предложено студентам быстро, не задумываясь, сказать, что первое приходит в голову, когда произносится слово «СССР». Результаты оказались следующими: «совок» (смех в аудитории) (участница А.), «тоталитаризм» (участник Н.), «ФЭД. Феликс Эдмундович Дзержинский» (участник Д.), «режим» (участник П.), «красная угроза» (снова смех) (участник Ни.).

Затем было предложено для получения быстрого ответа словосочетание «Советский Союз», на которое были даны такие ответы: «индустриализация» (участница А.), «серп и молот» (участница Ал.), «машина» (участник А.), «закрытость» (участник И.).

Данные ответы продемонстрировали, в целом, негативный характер ассоциаций, возникающий у студентов при произнесении слова «СССР», однако, когда было произнесено словосочетание «Советский Союз», негативный ассоциативный ряд сменился нейтральными, символическими образами советской эпохи.

Следующий вопрос звучал так: «А с каким человеком, персоной, историческим деятелем у Вас связан весь этот набор слов: Советский союз, СССР, Союз советских социалистических республик?» Надо было сразу назвать первую фамилию, которая пришла в голову. Получились следующие ответы:

- «Сталин» (участник И.).
- «Горбачев» (участник А.).
- «Сталин» (участница Ал.).

– «Сталин» (участница А.).
– «Ленин» (участник Н.).
– «Троцкий. Без него Советского Союза не было, я знаю. Даже Ленин такую роль не сыграл» (участник П.).

– «Жуков» (участник Д.).
– «Брежнев» (участник Ни.).
– «Ленин» (участница Ан.).

Для более подробного развертывания полученных ответов был задан дополнительный вопрос: «Когда мы говорим Ленин (Сталин, Брежнев), что первое приходит в голову?»

При обращении к персоне «В.И. Ленин» респонденты назвали следующие ассоциации: «мавзолей» (участница Ан.), «броневик» (участник Н.), «Советский Союз» (участница Ал.), «оппозиционер» (участник А.).

Ассоциативный ряд с персоной «И.В. Сталин» выстроился следующим образом: «жестокость» (участник Н.), «плохой менеджер» (участник П.), «усы» (участник Ни.), «коллективизация» (участник А.), «террор» (участница Ал.).

В свою очередь были озвучены следующие ассоциации с «Л.И. Брежнев»: «брови» (участник Д.), «застой» (участник Ни.), «застой» (участница Ал.), «брови» (участница А.), «любовь целоваться» (участник Н.), «номенклатура» (участник А.).

Ответы показали, что в восприятиях студентов основные характеристики политических руководителей советской эпохи связываются ими, во-первых, с их внешними стигматами (усы, брови, любовь целоваться), во-вторых, с символическими репрезентативными образами (мавзолей, броневик, застой), в-третьих, со взятыми, скорее всего, из околонушной литературы и современного кинематографа, стереотипными представлениями о личных качествах лидера и проводимой им политики (плохой менеджер, жестокость, террор).

Далее перед респондентами был поставлен вопрос: «Как Вам кажется, какие ценности были основными для граждан Советском Союзе? Чем там люди гордились?»

Последовали следующие ответы:

– «Отечеством. Страной. Мне кажется, что люди гордились, именно, Советским Союзом... мне кажется, вряд ли, о материальном шла речь, мне кажется, все-таки больше о духовном» (участник Н.).

– «Мне кажется, ценили какую-то заботу от государства, наверное, помощь от государства» (участница Ал.).

– «Я бы наверно так сказал, что не гордились они, а ценили они стабильность. То есть, есть рабочее место, есть заработная плата, на которую ты можешь... как-то прокормить семью, есть институты, которые помогают людям... жить в гражданском обществе. Вот, например, у меня был... еще лет 5 тому назад... разговор с человеком как раз старшего поколения, лет 60... про те же самые Касли. На тридцать тысяч население, в маленьком городе в советское время было две школы Олимпийского резерва, что, сейчас, кажется чем-то нереальным» (участник И.).

– «Мне кажется, гордились тем, что живут в великой державе... Если глубоко в подкорку советского человека залезть, то, наверное, это какая-то высшая духовная ценность» (участница А.).

На вопрос «А чем гордится Ваше поколение, что оно ценит?» прозвучали следующие ответы, во многом характеризующие внутренние качества и ценностные предпочтения сегодняшней молодежи:

– «Мне, кажется, молодежь ценит свободу. Хотя о ней сейчас трудно очень говорить, она сейчас такая у нас регламентированная... стала. Если человек хочет стать, допустим, программистом, то пошел, выучился, там на курсы. В интернет спокойно зашел, если тебе нравится какая-то информация, определенный язык и выучился... Вот это больше всего, наверное, мне, кажется, ценит молодежь» (участник Н.).

– «Нынешнее поколение стремится, прежде всего, развить себя, реализовать себя... и речь идет, скорее больше о материальных ценностях, чем о духовных» (участник Д.).

– «Я немножко по-своему отвечаю, и немножко по-своему формулирую вопрос. Если сравнивать наше поколение и при Брежневе... то я бы отметил: при Брежневе – это стабильность, а у нас, у нашего поколения – возможность выбора... а в Советском Союзе как-то решалось все за тебя» (участник П.).

– «Я горжусь своими достижениями. Я примерно предполагаю, что все поколение мое также. Но, я не уверен в этом» (участник П.).

– «Человек сейчас стремится к индивидуальному развитию, становится все больше индивидуалистом... И соответственно он и гордится своими личными достижениями, пока он развивается, пока чего-то достигает... то есть

речь идет не о гордости возможно за страну, за город, за не знаю за какие-то крупные образования. Речь идет зачастую о гордости за себя, за свою семью, за еще что-то такое» (участник Д.).

– «М... живем в эпоху потребления, многие со мной согласятся, мы делаем все это ради денег, предполагаю, чтобы получить какие-то материальные блага, отдохнуть на море и так далее. Мы же не просто так образовываемся, учим там, не знаю IT. Мы же делаем это, чтобы заработать деньги. А вот, в СССР, если сравнивать, для чего люди раньше жили. Для чего люди воевали, например, в Великую отечественную войну? Они воевали ради коммунизма. Была идея коммунизм. Вот как раз от каждого по способностям каждому по потребности, по труду, грубо говоря, и все они шли к одной цели, к коммунизму. Потом это все разрушилось и как-то стало меняться, и грубо говоря, мы пришли к тому, к чему сказал Даллес тогда в своей речи, что СССР пора знакомиться с Америкой и... переходить к капитализму» (участник Н.).

– «Я согласна с участником Н., я понимаю его мысль, что была общая цель, к которой все двигались и которую всем постоянно внушали, что есть цель. А сейчас я согласна, что у нас цели общей для страны, для общества нет. И... все мысли только о своих целях, о собственных каких-то достижениях, которых хотят добиться, в первую очередь, это деньги, успех какой-то... признание» (участница А.).

На принципиальный вопрос «В чем главная ценность Советского Союза для современных людей?» магистранты дали следующие ответы:

– «Если говорить о ценностях, которые для нас представляет СССР, можно выделить образование и научно-технический прогресс. Образование, потому что многие преподаватели, которые нам сейчас преподают – это еще старой закалки... люди, которые... говорят, что у них было очень сильное образование. Как раз не так давно узнал, что у преподавателя по философии было три семестра математики и физики. В общем образование было комплексное» (участник Н.).

– «Мы же в космос полетели. А еще – это победа в Великой Отечественной войне, по сути, решающая во Второй мировой, победа против Гитлера, а потом против Японии» (участник П.).

– «Я подумала про ценности, что были в Советском Союзе, это то, что как сказать государство могло мобилизовать людей в короткие сроки, то есть для каких-то целей, то есть сделать экономический скачок, какие-то достижения организовать. Сейчас так не получится, мне кажется... Сейчас мы уже не так мыслим, а тогда люди не были против» (участница Ал.).

В продолжение разговора модератор уточнила: «Если бы у нас была какая-нибудь задача, построить, например, новую Байкало-Амурскую магистраль. Вы бы поехали?»

– «Я не поехала бы (смех) вот именно в этом и вопрос. Это была задача государства, то есть надо было идеологически подготовить людей к этому... Получается, что цель государства была выше цели обычных людей. И за счет этого достигался прогресс» (участница Ал.).

– «Вся политика СССР на этом и строилась: человек рассматривался как винтик в общей системе. И не было такого понятия как желание человека» (участница А.).

В ходе интервью модератор просил участников ответить на вопрос: «Как Вы думаете, советский человек – это кто?»

– «Советский человек это... такой, скажем, универсальный боец, который способен сегодня поднимать... целу, завтра ехать совсем в другую точку страны, на какую-то другую глобальную стройку. То есть, он всегда движется в русле коллектива» (участница А.).

– «Советский человек... – это человек, прошедший советскую школу, получивший советское образование» (участник Н.).

– «Мне нравится уровень образования советского человека по сравнению с современным, ...возможность достижения каких-то глобальных целей в масштабах страны за счет задействования больших масс населения» (участник Д.).

Как видим, несмотря на появившиеся в самом начале опроса негативные ассоциации, возникшие у молодежи при озвучивании аббревиатуры «СССР», в дальнейшем в процессе развития темы «Память о Советском Союзе» выяснилось, что студенты весьма положительно оценивают всю советскую эпоху, которая, по их словам, предоставляла широкие возможности для получения системного фунда-

ментального образования, реально приобщаться молодым людям к современным достижениям науки и технического прогресса. Кроме того, некоторые студенты даже завидовали размаху мощной идеологической обработки, которой подвергался советский человек, считая, что, действуя умело, современное постсоветское государство могло бы взять данный опыт на вооружение. В ответах студентов мы обнаружили также нотки ностальгии по стройной системе ценностей советской эпохи, а также – сожаления относительно сложившихся в современном мире потребительских и индивидуалистических ценностных установок.

В то же время, следует отметить, что исторические знания о Советском Союзе у опрошенных студентов не отличаются хронологической точностью (к примеру, в связи с возникшей дискуссией по вопросу, в каком году был создан СССР), хотя ключевые достижения Советского Союза ими были названы правильно. Проведенный опрос показал, что представления студентов о советских руководителях страны и проводимой ими политики оказались наполненными многими расхожими стереотипами, взятыми, скорее, из популярной литературы, произведений современного кинематографа, а не из серьезных научных исследований. Это заставляет серьезно задуматься над созданием прочной научной базы для совершенствования вузовского историко-политического образования, а также для формирования профессиональных кадров в области управления политикой памяти.

* * *

Таким образом, проведенные групповые интервью в различных возрастных группах по поводу памяти о советском прошлом наглядно показали существенные поколенческие различия в восприятии СССР.

Эти различия определяются не только биографическими характеристиками поколений (наличие статуса свидетеля прошедших событий или отсутствие такового), но и официальным дискурсом политики памяти, доминирующим в годы социализации того или иного поколения, а также все более усложняющейся от поколения к поколению системой медиатизации коллективных представлений о прошлом. У каждого более молодого поколения представления о СССР,

по сравнению с предшественниками, становятся все более мифологизированными, при этом более фрагментарными и внутренне противоречивыми. Если у самого старшего поколения среди опрошенных в основе их оценок советского прошлого лежит личный опыт жизни в СССР плюс доминирующий ныне исторический нарратив, то у самого молодого – многослойный «пирог» разнообразных мнемонических акторов, среди которых даже семья (а, соответственно, и семейная память) не играет определяющей роли.

Тем не менее, у всех опрошенных представителей поколенческих групп (а все они родились в послевоенное время) есть очевидные сходства в восприятии советского прошлого.

1. В своих воспоминаниях и оценках СССР они почти не оперируют событиями советской истории, предшествующими периоду Второй мировой войны. Основной корпус их актуальной памяти наполнен послевоенной историей СССР.

2. Восприятие советского прошлого у большинства респондентов окрашено в позитивные, героико-романтические тона и по своему содержанию практически совпадает с нынешним официальным историческим дискурсом. Все без исключения группы важнейшими событиями истории СССР назвали победу в Великой Отечественной войне и полет Ю.А. Гагарина в космос. Среди персон, олицетворяющих собой СССР, лидирующую позицию занял И.В. Сталин.

3. Нелицеприятные страницы советской истории как таковой находятся в своеобразной «зоне умолчания» (как будто об этом не принято говорить на людях) и артикулируются лишь при провокативном обращении к семейной памяти. В последнем случае оценки прошлого приобретают заметно более яркий эмоциональный характер.

4. В формировании коллективной памяти о СССР все участники интервью отметили важную роль семьи. Однако можно предположить, что со временем, по мере ухода «родившихся в СССР», роль семьи в формировании памяти о Советском Союзе будет существенно снижаться, уступая место другим мнемоническим акторам, ведущим из которых по-прежнему будет оставаться государство и формируемый им официальный дискурс политики памяти о советском прошлом.